

Литрес ≡ Классика

Николай Лейкин

В ОЖИДАНИИ
НАСЛЕДСТВА

Николай Лейкин
В ожидании наследства

«ЛитРес»

1889

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

Лейкин Н. А.

В ожидании наследства / Н. А. Лейкин — «ЛитРес», 1889

Молодой и недалёковидный купеческий сын страстно влюбляется в капризную актрису столичного кафешантана, которая требует от своего ухажера роскошной жизни, дорогих нарядов, выездов и регулярных ужинов в лучших ресторанах Петербурга. Не имея собственных средств на исполнение этих прихотей, юноша решается на опасную финансовую авантюру. Он начинает бездумно брать огромные кредиты и накапливать долги под баснословные проценты, свято веря, что со дня на день его тяжело больной и невероятно богатый дядя скончается, оставив ему колоссальное состояние, которое покроет любые расходы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

© Лейкин Н. А., 1889
© ЛитРес, 1889

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	11
Глава IV	14
Глава V	17
Глава VI	20
Глава VII	23
Глава VIII	26
Глава IX	29
Глава X	33
Глава XI	36
Глава XII	40
Глава XIII	44
Глава XIV	47
Глава XV	50
Глава XVI	53
Глава XVII	57
Глава XVIII	59
Глава XIX	62
Глава XX	65
Глава XXI	68
Глава XXII	70
Глава XXIII	73
Глава XXIV	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Николай Александрович Лейкин

В ожидании наследства

Страница из жизни Кости Бережкова

Глава I

Было часа два дня. Надежда Ларионовна, пухленькая блондинка лет двадцати пяти, фигурирующая в кафешантанном театрике «Увеселительный зал» исполнительницей куплетов, только еще восстала от сна и, сидя у себя в спальне на диване поджавши ножки, пила свой утренний кофе, когда к ней влетел розовый безбородый купеческий юноша Костя Бережков.

– Ну, так я и знала, что это вы! – с неудовольствием проговорила блондинка, надула губки и отодвинулась. – Не понимаю, зачем вы ко мне ходите!

Костя Бережков хотя и смутился, но сделал к ней несколько шагов и, протянув руку, проговорил:

– Здравствуй!

Блондинка спрятала руки в голубой фланелевый пеньюарчик и отвечала:

– И здороваться с вами не хочу. Прошу вас даже со мной и при встрече не кланяться.

– Да что это такое? Что такое случилось? – недоумевал Бережков.

– Ровно ничего, но я не желаю иметь с вами никаких делов. Я уже сказала вам об этом – вы и должны знать.

Стало быть, и ходить сюда незачем, также и кланяться незачем, потому, через это самое только ревность от посторонних личностей, а вам все равно от меня больше ничего не очистится. Поэтому поклон да и вон.

– Каких посторонних личностей?

– Да мало ли есть посторонних личностей, которые в меня влюбившись и ухаживают! Они могут по своим капиталам мое счастье составить, а вы торчите и мешааете, потому через что – ревность.

– Голубушка, Наденька, да ведь я тебя по-прежнему люблю.

– Что мне толку, что вы меня только любите! Из одной вашей любви шубу не сошьешь. Не рассаживайтесь, не рассаживайтесь, пожалуйста... Вовсе я этого не желаю. Ко мне сейчас один богатый полковник придет, который хочет даже пару лошадей для меня у извозчика нанять, чтобы мне зимой в парных санках, а летом – в коляске... И папироску, пожалуйста, не закуривайте! – воскликнула блондинка. – Можете уйти и на улице закурить. Тетенька! Да что ж это такое! Выгоните его вон! – обратилась она к суетившейся около кофейного прибора тощей пожилой женщине в чепце и темном грязном шерстяном платье.

Та оставила кофейник и приблизилась к Бережкову:

– Ежели вас, Константин Павлыч, дама просит уйти, то, мне кажется, вы, как учтивый кавалер, из одной деликатности чувств должны уйти.

– Странно... – пробормотал молодой человек, переминаясь с ноги на ногу. – Все ходил, ходил, такая между нами, можно сказать, нерукотворенная любовь была, и вдруг уйти. – Была, да сплыла... – сухо сказала блондинка, отвернувшись и закурила папироску.

– Позволь, Надюша... Да нешто я какую новую даму на стороне завел?..

– А хоть бы и завели? Для меня это теперь решительно наплевать.

– Но ведь я для тебя, кажется, все, что следует... За квартиру твою я плачу. То и дело на разные разности тебе то двадцать пять, то тридцать, то пятьдесят рублей в руки... – А вы думаете, что это уж так много? – иронически улыбнулась блондинка. – По нынешнему времени это – тьфу!

– Но ведь ты же раньше была довольна. По вечерам я с тобой везде бываю... Недавно часы золотые с цепочкой подарил.

– Что такое часы! Что такое «раньше была довольна»!

Раньше была довольна, а теперь недовольна. Раньше я в разных бессловесных ролях только для красоты на сцене показывалась, а теперь я по словесной части роли играю, даже куплеты пою.

– А! Вот как... – процедил сквозь зубы молодой человек.

– А вы думали как! Всякая девушка должна себе цену знать. Мне уж и то подруги все уши прожужжали: и чего ты, дура, с Бережковым путаешься, коли ты давно можешь на паре вороных летать!

– Да ведь я тебя не только на паре, а даже на тройке сколько раз возил.

– Это все не то. А вы наймите-ка у извозчика лошадей помесечно, да пусть они каждый день у меня у подъезда стоят. – Так вот ты чего хочешь!..

– Да, этого самого... И уж нашелся один полковник, который все это предлагает.

– Да, да... – поддакнула тетка. – И не то чтобы какой-нибудь полковник старый, а из себя, можно сказать, настоящий мужчина.

– Кроме того, лисью ротонду, крытую бархатом, дарит, – продолжала блондинка. – А у вас я прошу, прошу себе песцовую ротонду да допроситься не могу. Думаете, приятно мне в бархатном пальте с куньим воротником бегать? Подруги-то смеются. У них у всех ротонды меховые, а я в пальте на свином визге щеголяю.

Молодой человек прошелся взад и вперед по комнате, почесал затылок и сказал:

– Ротонду меховую я тебе подарю, погоди только.

– А когда подарите, тогда и приезжайте. А теперь: вот вам Бог, а вот порог.

– Ах, Надя, Надя! Не ожидал я, что ты такая коварная! Я тебя так люблю, а ты...

– Кабы уж любили, так давно бы ротонду подарили.

– Клянусь тебе, что для тебя я готов...

– Пожалуйста, актера из себя не разыгрывайте!

– Полковник этот такой добрый и обходительный, что даже и мне пальто на беличьем меху обещал подарить... – вставила свое слово тетка.

– Ах, оставьте, пожалуйста, тетенька! Ну, стоит ли с ним разговаривать! – перебила блондинка. – Лучше вы попросите его уходить честь честью...

– Это все-таки ко мне относится? – спросил молодой человек.

– Конечно же, к тебе. Какой ты глупый. А еще говоришь, что в Коммерческом училище учился!

– Но ведь я на ротонду согласен, подожди только...

– Тетенька! Да гоните же его вон! Не желаю я с ним больше разговаривать. Хочет он по-прежнему сюда приходить, так пусть прежде хорошую меховую ротонду пришлет и чтобы у подъезда моего каждый день лошади стояли. Ступайте же...

Молодой человек стоял как ошалелый и не двигался. Минуту спустя он произнес:

– А ежели я это все так, по-твоему, то по-прежнему любить будешь?

– Да, конечно же... – отвечала блондинка и прибавила:

– Только уж я теперь буду строгая и чуть что не потрафите – сейчас по шапке вас... Я была дура, я себе цены не знала, а теперь я очень хорошо понимаю, в каких я смыслах...

– Кроме полковника, есть еще один в нее влюбимшись, – сказала тетка. – Есть еще богатейший купец с Калашниковской пристани, который ходит да ноет и подруг ейных упрашивает, чтобы о нем хорошее слово замолвили. – И уж полковника тогда побоку, если я все это как следует?... – спросил блондинку еще раз молодой человек. – Да, конечно же... Я вовсе не такая-эдакая... как все... Я уж люблю, так одного люблю. Я и посейчас бы тебя любила, но должна же я себе цену знать. Всех я лучше... всегда такие аплодисменты на сцене и вдруг... И не диво бы, если бы вы не могли, а то живете вы при дяде, дядя у вас – богатый купец...

– Богатый-то богатый, да денег дает мало. Погоди, вот умрет... Он человек старый, больной... На ладан дышит.

– Поди ты! Сама состаришься, пока твой дядя умрет. А я хочу жить.

– Уверяю тебя, что дядя скоро умрет. Он совсем болен.

Он и по делам никуда не ездит, и в лавки не ходит. Его два доктора лечат.

– Что мне за дело до твоего дяди: я сейчас хочу, чтобы была ротонда и лошади... И странное дело, чего ты сквалыжничает: дядя болен, лавки на твоих руках, подошел к кассе – взял да и...

– Не больно-то и на моих! У нас тоже старший приказчик есть.

– Поди ты! Любил бы меня, так и со старшим приказчиком сделался.

– Не такой он человек.

– Ну, так занять где-нибудь денег можешь до смерти дяди. Мало ли есть таких, которые деньги займы дают! Денег дадут и будут ждать.

Молодой человек молчал.

– Конечно же, Константин Павлыч, вам денег дадут, – проговорила тетка. – Прямо из-за дяди дадут... Ведь вы евоный полный наследник.

– Не больно-то и полный, – отвечал молодой человек. – Есть и другие. Он стар, стар, но у него тоже дамская слабость есть... Ей, как кажется, много отказано. Конечно, и мне кое-что очистится после его смерти, но не все же... – Так вот тепер, пока старик жив, и надо пользоваться всяким манером из его капиталов, – проговорила блондинка и прибавила: – Ну а тепер уходите. Довольно с вами разговаривать.

Молодой человек был совсем обескуражен. Он взял со стола шапку и произнес:

– Прощай, коли так.

– Прощайте... – отвечала блондинка и отвернулась.

– Дай же руку-то... – протянул свою руку молодой человек.

– Не желаю... Когда будет ротонда – тогда и руку вам подам, а до тех пор – ничего. Идите без разговоров. Тетенька, заприте за ним дверь.

Молодой человек, потупившись, вышел из комнаты. Тетка блондинки следовала за ним.

Глава II

– Ушел? – спросила Надежда Ларионовна тетку, когда та вернулась из прихожей.

– Ушел.

– Ну, что он?

– Совсем как бы не в себе. Меланхолия такая в глазах и даже слезы... Вот пять рублей мне в руку сунул... «Уговорите, – говорит, – ее, Пелагея Никитишна, чтоб она по-прежнему... Ротонду, – говорит, – я ей завтра или послезавтра привезу». Так его и надо, милочка. Чего его жалеть-то! Поверь, что захочет, так найдет денег.

– Все-таки мне его жалко. Он такой простой да глупенький, а я таких люблю. Такие-то лучше, – сказала Надежда Ларионовна.

– Да ведь при тебе же останется, – отвечала тетка. – Ты только его пугнула. Поверь, что прибежит с ротондой. Только ты на одну ротонду не соглашайся, а чтоб и лошади были. Ведь это, в сущности, полтора ста рублей в месяц, не больше, если взять у извозчика.

– Ему таких денег не найти. Он ужасно глупый и неопытный.

– Да ведь, в сущности, за лошадей можно потом заплатить, по окончании месяца. Извозчик подождет. У того же Булавкина и возьмем лошадей и экипаж, у которого он тройки берет. Пусть только Костя скажет ему, что это он будет платить, что это на его счет. Да мы вот что сделаем:

как только твой Костюшка привезет сюда ротонду, я сейчас съезжу за извозчиком Булавкиным, и здесь мы это все и оборудуем. Пускай расписку выдаст. За расписку извозчик всегда согласится.

Надежда Ларионовна вздохнула.

– Ах, ему и на ротонду денег не найти по его глупости! – произнесла она. – Он совсем на манер какой-то овцы. Ведь денег нужно искать умеючи. Вы думаете, дешево ротонда-то черно-бурая стоит?

– Ничего! – подмигнула тетка. – В дядин сундук слазает. Ты думаешь, теперь-то он не лазает, что ли? Конечно, лазает, но берет понемножку. А теперь сразу возьмет.

– Да ведь сразу-то может быть заметно. Вдруг попадетсЯ? Ведь на черно-бурую-то ротонду тысячу рублей надо.

– Ну, хочешь я ему ростовщика подсватаю? – сказала тетка.

– А у вас разве есть такой на примете? – спросила Надежда Ларионовна.

– Да вот Шлимович, что с Лизаветой Николаевной путается. Он многим дает деньги на проценты.

– Конечно же, подсватайте. А то Костя сразу залезет к дяде в сундук, ну тогда все и откроется. Мне же хуже будет, если ему дядя крылья обрежет. Тогда уж прощай и квартира, и все. Да мне и самого Костю жаль. Он сколько раз мне говорил, что понемножку он может из лавки денег брать, чтоб незаметно... А сразу нельзя.

– Изволь. Я сбегаю к Лизавете Николаевне и поговорю с ней насчет Шлимовича.

– Съездите, тетенька, и поговорите. Ей-ей, он сам такой глупый, что никаких этих ростовщиков не найдет. Похлопочите. Ведь деньги у Костюшки верные, только он не может сразу... А тут можно сделать так, что деньги он займет сразу у Шельмовича этого, а потом ему по частям отдавать будет. – Шлимович, а не Шельмович, – поправила Надежду Ларионовну тетка и прибавила: – Ты смотри не проговорись при встрече с ним. Его уж и так Шельмовичем дразнят, и он ужасно сердится.

– Ну вот... С какой же стати нужного человека дразнить! А я думала, что его настоящая фамилия Шельмович.

Он жид?

– Да, должно быть, из жидов. Уж эти, которые по денежным делам, все из жидов.
– Так съездите, тетенька, поскорей и узнайте. Я буду новые куплеты учить, а вы съездите, – еще раз сказала Надежда Ларионовна.

– Хорошо, хорошо, – отвечала тетка. – Только где же мы твоего Костюшку сведем с этим Шлимовичем?

– А пусть Лиза привезет его к нам в театр. Да забегите и к Косте в лавку. «Надя, мол, вам кланяется и просит вас приехать в театр и прийти на сцену. Она, мол, в последний раз хочет поговорить с вами». То-то обрадуется он! – прибавила Надежда Ларионовна, улыбнувшись. – На крыльях прилетит. Ежели Лиза привезет Шлимовича, то после театра мы сведем их. Костюшка пусть пригласит Лизу и Шлимовича ужинать, за ужином и переговорим.

– Стало быть, и ты поедешь с Костюшкой ужинать?

– Ну его к черту! Поеду...

Тетка покачала головой.

– Эх, Надя, Надя! Не выдержишь ты себя. Нет у тебя этого самого характера, – сказала она. – А вот помяни мое слово: он увидит, у тебя душа размякла, да сейчас и на попятный насчет ротонды.

– Странное дело... вспомните, что вы говорите, тетенька. Я только из-за этого и еду с ним ужинать, чтобы он для меня денег занял у Шлимовича, – проговорила Надежда Ларионовна. – Как же иначе устроить-то? Ну, не захочет он занимать денег, так уж тогда я его совсем от себя прогоню.

– Не прогонишь. Ты в него влюбимшись, как кошка.

– Я-то? Пф... Мне просто его жалко, потому что я люблю глупых. Да и так... Что ж его гнать-то очень? Умри у него дядя, так посмотрите, какой он будет выгодный кусок!

Тетка накинула платок, надела капор.

– Так я пойду, – проговорила она. – Ну, давай на извозчика.

– На какого извозчика? – вскинулась на нее Надежда Ларионовна. – Ведь Костюшка дал вам сейчас пять рублей на извозчика.

– То не на извозчика, а за хлопоты, чтобы я тебя уговорила.

– Стыдитесь! Живете у меня, пьете, едите даром, всякими обносками пользуетесь, да еще каждую минуту хотите с меня же сорвать. Сорвали с Костюшки – и будет с вас.

– Ну хорошо, хорошо.

Тетка отправилась в прихожую. Надежда Ларионовна провожала ее.

– Послушайте, тетенька... А не заберет этот Шлимович Костюшку в лапы? Ведь ростовщичи тоже как забирают в лапы эдаких разных неопытных юношей.

Тетка улынулась и отвечала:

– А тебе-то какое дело? Да пушай.

– Ну, не скажите. Он все-таки человек нужный, и даже очень нужный. Зачем? Его нужно беречь. Зачем уж совсем-то в яму пихать? А ростовщичи – народ ой-ой! Курлин, вон, из-за них, подлецов, застрелился.

– Пусть глядит в оба. Ведь Константин Павлыч – не дурак.

– В том-то и дело, что совсем дурак.

– Поди ты! Это тебе так кажется, а в сущности, он хитрее тебя.

– Все-таки вы, тетенька, скажите Лизавете Николаевне, чтобы она сказала Шлимовичу, чтобы тот уж не очень Костюшку-то обдирал. «У него, мол, деньги верные, но только он не может сразу»...

– Да уж ладно, ладно.

Тетка ушла. Надежда Ларионовна подошла к зеркалу, полюбовалась на себя, потом зевнула, потянулась, взяла тетрадку и принялась учить новые куплеты.

Глава III

Было пять часов. Тетка Надежды Ларионовны все еще не возвращалась домой. Надежда Ларионовна посердилась на ее медленность и велела подавать себе обедать. В эту минуту раздался звонок. В комнату влетел Костя Бережков и со всех ног бросился к Надежде Ларионовне.

– Милочка! Надюша! Как я рад, что ты меня простила! – заговорил он.

– Тише, тише... Пожалуйста, не приближайтесь. Вовсе я вас не прощала, и вы все еще под штрафом, – отстранила его Надежда Ларионовна.

– То есть как это?.. – недоумевал Костя, опустя руки.

– Очень просто: под штрафом. И до тех пор будете под штрафом, пока не явятся у меня черно-бурая ротонда и лошади. Не подходите близко, не подходите. Стойте там.

– Но ведь сейчас же у меня в лавке была твоя тетка Пелагея Никитишна и сказала, чтобы я приехал. Я прилетел на крыльях любви.

– Тетке было приказано передать вам, чтобы вы явились в театр, на сцену, но вовсе не сюда. Здесь я вас без ротонды и лошадей не желаю видеть.

– Будут лошади, будет ротонда. Пусть только все останется по-старому. Прости.

Костя сложил на груди руки и умильно взглянул на Надежду Ларионовну.

– Когда все будет, тогда и прошу, – отвечала она и спросила: – Говорила вам тетенька насчет ростовщика?

– Говорила, но Лизавета Николаевна не может привезти его сегодня к вам в театр, потому что они уже едут сегодня в балет. У них и билеты взяты. Лизавета Николаевна завтра привезет его. Вот оттого-то я сейчас к тебе и приехал. Прости. Я согласен. На все согласен. Прости.

– Все это вы могли бы сказать вечером в театре. Ведь вам приказано явиться в театр, а вовсе не ко мне на квартиру.

– Ангел! В театре я сегодня не могу быть. Да и зачем быть, ежели Лизавета Николаевна не привезет? Впрочем, что я!.. В театр я также прилетел бы на любовных крыльях, чтобы насладиться лицезрением твоих божественных глазок, но...

– Пожалуйста, пожалуйста, не заводите рацеи... – перебила Костю Надежда Ларионовна. Тот умерил восторженный тон.

– В театр прискакал бы я на всех парах, но мне сегодня вечером непременно нужно быть дома, – сказал он.

– Что такое у вас стряслось?

– Дядя очень болен.

– Да ведь он и раньше был болен.

– Сегодня днем ему сделалось хуже, и вечером он поднимает к нам на дом чудотворную икону. Принесут ее из церкви и будут у нас служить дома всенощную и молебен.

Ну а при таком случае мне непременно нужно быть дома.

Надо быть на виду. Дядя поминутно может хватиться меня.

Завтра же я во что бы то ни стало буду в театре.

– Ага! Не хочется умирать старому.

– Он не поправится. Положительно не поправится. Все доктора говорили нам в один голос... То есть не ему, а нам только. Ему и до весны не дотянуть. Он даже, пожалуй, и сам знает и вот оттого-то сегодня решил поднять икону. Человек старый, богомольный, так уж само собой...

Костя не договорил.

– Странное дело, что у вас на все есть отговорки... – произнесла Надежда Ларионовна и прибавила: – Садитесь. – Простила? Ты меня простила, Надюша? Вот за это мерси! – встрепенулся Костя и снова бросился к Надежде Ларионовне.

– Не подходите, не подходите... – заговорила та. – А то я убегу в спальню и запрусь там. Сказать «садитесь» – еще не значит простить. Я уже сказала, что прощены вы будете тогда только, когда у меня явятся лошади и ротонда, – Все будет, ангел мой, помоги только денег достать.

– Вот это можно. Для этого нарочно сегодня я к Лизавете Николаевне и тетку послала. Видите, я об вас больше забочусь, чем вы о себе.

– Мерси, душка...

– Да что «мерси»! За это вы должны бы мне еще что-нибудь подарить, ну, да уж бог с вами, только бы ротонда была хорошая.

– Поедешь со мной и сама выберешь, как денег добудем.

– Добудем! Вы даже сами и добыть-то не умеете. Ужасная вы рохля, страсть какой неспособный, неимущий, все о вас заботиться надо. Ну, садитесь же, – сказала Надежда Ларионовна.

– С тобой рядом сесть можно? – заискивающе взглянул на нее Костя.

– Нет, нет. Садитесь вон на тот стул.

Костя сел.

– Закурить папироску можно? – спросил он.

– Курите уж... Ну вас... Так вот... Денег на ротонду вы можете занять у Лизина обожателя Шлимовича. Он дает деньги. Разумеется, только дает деньги под вексель и за хорошие проценты.

– Это я понимаю.

– Ничего вы не понимаете. Вы совсем дурак.

Костя обиделся.

– Ну зачем же, Надюша, так? Ну какой же я дурак, если я при дяденькином деле? А дело у нас большое, – сказал он.

– При большом деле, а какой-нибудь тысячи рублей занять не можете!

– Да ведь кто же даст-то? То есть дадут, ежели на дядюшкино имя, все дадут. Но сейчас сомнение – что, почему? – и будет колебание фирмы. Никогда не занимали и вдруг...

– Вы можете все-таки уплачивать-то по векселю?

– Я могу... но только не сразу, а по частям. Ежели я сразу возьму из лавки деньги, то будет заметно, а ежели понемножку...

– Да уж слышали, слышали, – с гримаской перебила Костю Надежда Ларионовна. – Только уж вы так с Шлимовичем завтра сговаривайтесь, чтобы по частям платить.

Шлимович – это обожатель Лизин.

– Да знаю, знаю я Шлимовича, только рожа-то у него какая-то эфиопская...

– Ну, вот еще! Рожу разбирать! Что вам за дело до рожки! Вам хоть бы песок да солил. Да вот еще что... Я так думаю: ежели вы с Шлимовичем сойдетесь и он будет согласен дать вам денег, то берите уж сразу больше. Ну, что такое тысяча рублей? Берите две.

– Это зачем же?

– Деньги-то зачем! Совсем полоумный! – всплеснула руками Надежда Ларионовна. – Деньги на меня же вам понадобятся. Вы уж наперед знайте, что я не желаю больше так жить, как я до сих пор жила. Я хочу, чтобы у меня все было хорошее, как у Полины. Пока я у нас в театре на бессловесных ролях была, я могла так жить, а теперь, когда я с словесными ролями, – нет, оставьте. Мне просто стыдно. Вы просите у Шлимовича сразу две тысячи. Чего вам!..

– Так-то оно так, да ведь потом отдавать надо, – замялся Костя.

– Отдадите. Да может быть, к тому времени и старик ваш умрет.

Костя почесал затылок и произнес:

– Разве вот, что старик-то...

– Так две тысячи, – сказала Надежда Ларионовна.

– Хорошо, хорошо!

- Ну, а теперь уходите. С Богом.
Костя поднялся со стула.
- На прощанье можно ручку поцеловать? – спросил он.
- Нет, нет. Когда ротонда и лошади будут – все можно, а до тех пор ничего. Идите.
- Эх! – вздохнул Костя и поплелся в прихожую.
- Так приходите же завтра в театр, – сказала ему вслед Надежда Ларионовна и крикнула кухарке: – Дарья! Запри за ним дверь.

Глава IV

Часов десять вечера. В квартире вдового старика-купца Евграфа Дмитриевича Бережкова везде затеплены лампы. Пахнет ладаном. Клубы легкого дыма от ладана еще до сих пор носятся по комнатам. Сейчас только отслужили всенощную и молебен. Старик Бережков болен. Отец протоиерей и дьякон остались выпить чайку и беседуют со стариком в спальне. Везде старинная, тяжелая мебель красного дерева двадцатых годов, потемневшая от времени. На стенах картины библейского содержания, тоже в потемневших золоченых рамках, портрет самого Евграфа Дмитриевича Бережкова в молодых годах, с медалью на шее и со счетами в руке, и такой же портрет его покойной супруги с головой, туго повязанной косынкой, в длинных бриллиантовых серьгах, в ковровой шали на плечах и с носовым платком, свернутым в трубочку в выставленной из-под шали руке, сплошь унизанной кольцами. В гостиной с потолка висит старинная бронзовая люстра со стрелами и с хрусталиками; в углу часы, тоже старинные, английские, в высоком деревянном чехле будкой. В квартире все говорят полупшепотом, ходят на цыпочках. Даже дьякон, разговаривающий в спальне с больным стариком Бережковым, старается умерять свой голос и говорит октавой. Спальня освещена лампой под зеленым абажуром. Бережков сидит в покойном кресле.

Он в сером халате. Опухшие ноги его окутаны одеялом, вздутый водянкой живот при тяжелом дыхании колеблется. Бережков – старик лет семидесяти, с редкими, как бы прилипшими к голове полуседыми волосами и совсем уже белой, тоже реденькой бородкой клином на изборожденном морщинами и исхудалом, землистого цвета лице. Против старика у стола помещается отец протоиерей, в фиолетовой рясе и с наперсным крестом. Он мешает ложечкой чай в стакане и говорит:

– Прежде всего, уважаемый Евграф Митрич, не надо отчаиваться. И не такие, как вы, больные, да поправлялись. Теперь вас кто пользует?

– Три доктора, да что!.. – проговорил с одышкой старик Бережков и махнул рукой. – Только один перевод денежный, а толку никакого.

– Чем они вас пользуют-то?

– Да разное тут... Вон на окне сколько стклянок наставлено.

– Действительный статский советник Семистадов есть, так того какой-то фельдшер из богадельни травяным настоем вылечил, – октавит рослый дьякон, помещающийся со стаканом чая поодаль. – Шестьдесят шесть трав входят в этот состав. Тоже всех докторов перепробовал и никакого толку, а вот простой фельдшер вылечил.

Старик молчит, угрюмо смотрит в одну точку и тяжело дышит. Протоиерей, побарабанив пальцами по столу, опять начинает:

– В настоящее время от водянки тараканов дают.

– Живых? Глотать? – восклицает чернобровая женщина лет сорока, в темном шерстяном платье, сидевшая в уголке спальни и до сих пор молчавшая.

– Нет, не живых. Я думаю, даже поджаривают, – спокойно отвечал протоиерей. – Поджаривают и в лекарство мешают. Я слышал, что многие исцелялись. Средство это даже господин профессор Боткин употреблял.

Старик опять промолчал. Чернобровая женщина поправила фальборки на своем платье и робко произнесла:

– А что же, Евграф Митрич? Вот бы вам попробовать. Противно-то противно, но что ж такое? Лишь бы помогло. Старик молча махнул рукой и отвернулся. Разговор не клеился. Священник и дьякон допили чай и стали уходить.

– Ну, да благословит вас Бог... Поправляйтесь... – сказал протоиерей, наклонился и облобызал старика.

– Извините уж, батюшка, не провожаю... Не могу... – проговорил старик.

– Ничего, ничего... Какие тут проводы.

– Племянник уж вас проводит. Костя! – попробовал крикнуть старик и закашлялся.

– Я здесь, дяденька... Я провожу, – откликнулся из другой комнаты голос, и на пороге появился Костя Бережков, племянник старика.

Священника и дьякона пошла провожать и чернобровая женщина. Она так и лебезила около протоиерея и, когда они вышли в прихожую, шепнула ему:

– Батюшка! Вы бы уговорили Евграфа Митрича составить духовную. Ведь сродственники есть. Потом есть люди, которым он на словах обещал кое-что, а умрет без духовной, так что же из всего этого выйдет!

– Я говорил ему тут как-то насчет духовной, но он сказал мне, что уже составлена духовная.

– Врет он. Извините, пожалуйста, но врёт... Ничего у него нет.

Священник только развел руками.

– Вы попросите, по крайности, чтобы он вам ее показал. Мне кажется, что это он просто нарочно насчет духовной...

– Да будет вам, Настасья Ильинишна! – оттолкнул от священника чернобровую женщину Костя и принялся подавать ему шубу.

В прихожую выглядывали из дверей какая-то старуха и молоденькая миловидная девушка лет шестнадцати, почти ребенок. Она бросилась к священнику под благословенье, когда тот, надев шубу, начал уходить.

– И не стыдно это вам, Настасья Ильинишна, – сказал Костя чернобровой женщине. – Ну чего к батюшке с духовной-то пристали! Все корысть, везде корысть... Вот женщина-то! Бесстыдница.

– Ругайтесь, ругайтесь... А посидел бы ты в моей шкуре! – огрызнулась чернобровая женщина. – Корысть! Хороша корысть! Восемнадцать лет около вашего дяденьки, как свечка перед образом верой и правдой горю, а не могу вон дочке хорошего теплого пальтишка сшить, – кивнула она на девушку. – А ведь мы с ней тоже, сами знаете, не сбоку припека, не с улицы, а может быть, даже поближе кого другого старику-то приходимся. Да-с.

– Ну уж, довольно, довольно... Слышали... – процедил сквозь зубы Костя.

– Господи, спаси нас, грешных, и помилуй! – вздохнула в дверях старуха и покачала на спорящих закутанной в черный платок головой. – Поди ж ты, что корысть-то делает!

Чернобровая женщина, слыша эти слова, тотчас же сцепилась со старухой. Перебранка, однако, происходила полупшепотом и уже продолжалась в другой комнате, куда чернобровая женщина и старуха удалились.

– Тише вы! – строго цыкнул Костя, заглянув из прихожей в комнату, погрозил пальцем и направился к дяде в спальную.

Евграф Дмитриевич Бережков по-прежнему сидел и тяжело дышал. Костя подошел к нему, почтительно наклонился и спросил:

– Ну, как вы себя теперь чувствуете, дяденька?

– Казачка сейчас плясать хочу – вот как себя чувствую! – раздраженно отвечал дядя. – Поди и призови сейчас Гаврилку, приказчика, с гармонией. Пусть наяривает. Не видишь нешто, что человек совсем болен!

Костя опешил.

– Я понимаю, дяденька, что вы очень больны, но я думал, что, может быть, вам теперь хоть чуточку полегче... – отвечал он. – А что я спросил, так это из участия!

– Из участия! Знаем мы это ваше участие-то! Только и ждете смерти. А вот назло вам ничего не останется. Все на монастыри да богадельни...

– Ах, дяденька! Совсем вы меня не так понимаете!

– Ну, молчи! Довольно.

Старик закашлялся. Племянник, не зная, что делать, молча бродил по спальней, переложил с места на место какие-то книги, вынул из стоявшего на столе стакана ложку и положил ее на блюдечко. Вообще, его так и подмывало уйти, но он не смел.

– Вам ничего не нужно, дяденька? – спросил он наконец.

– Принеси мне стакан воды, – отвечал старик.

– Слушаю-с, дяденька.

Через минуту Костя подал дяде стакан с водой.

Опять переминовение с ноги на ногу.

– Да что ты передо мной, как маятник, маешься! Приткнись ты хоть к месту-то! – крикнул на него старик.

– Не сердитесь, дяденька, вам вредно.

– Упрашивай, упрашивай! А сам рад! Только бы раздражить. Авось, мол, дядю сразу пристукнет.

– Экие вы какие, дяденька! – вздохнул Костя и сел.

Тихо. Слышно тяжелое дыхание старика с каким-то всхлипыванием в груди, слышно, как тикает в гостиной маятник больших английских часов, слышно, как в соседних комнатах шушукуются, перебраниваясь, женские голоса. Костя сидит и тихо передвигает костяшки счетов, лежащих на столе. Мысли его далеко. Мысли его около Надежды Ларионовны. Вот она видится ему на сцене в трико, в коротенькой юбочке с блестками, с полуобнаженной грудью. Она поет куплеты и улыбается.

«Если бы старик уснул сейчас, то можно бы и в театр удрать», – мелькает у него в голове.

Часы звонко бьют одиннадцать.

«Нет, теперь уж не удрать... Поздно... Когда он еще уснет!» – говорит себе Костя мысленно.

Старик молчит, но не спит. Костя решается заговорить. – Я не нужен вам, дяденька?.. – робко задает он вопрос.

– Возьми псалтырь и почитай мне... – отвечает старик.

Костя морщится, но открывает лежащую на столе книгу в кожаном переплете и начинает читать.

– «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...» – слышится его мерное чтение.

А Надежда Ларионовна так и стоит перед ним.

«А вдруг она теперь с тем полковником ужинает, который обещался ей ротонду подарить?» – мелькает у него в голове, и вся кровь быстро приливает к сердцу.

Глава V

Костя прочел три псалма и остановился. Старик-дядя, сидя в кресле и склонив голову, похрапывал. «Спит», – подумал Костя, осторожно закрыл псалтырь, тихо поднялся со стула и только что сделал два шага на цыпочках, как старик проснулся и заговорил:

– Куда ты? Или удрать хочешь? Нет, читай, читай... Я не сплю.

– Я полагал, дяденька, что вы започивали... – остановился Костя.

– Читай, читай.

И опять раздалось мерное чтение псалма. Часы пробили половину двенадцатого. Старик как бы опомнился, поднял голову и остановил племянника.

– Постой... – сказал он. – Вот что я тебя хотел спросить... Скажи мне, Костя: очень сильно вы теперь без меня грабите в лавке из выручки?

– То есть как это «грабите»? – смешался Костя.

– Очень просто. Ты хорошо знаешь, о чем я тебя спрашиваю... Говори, говори, не бойся. Чистосердечно говори.

Ведь уж я теперь все равно не могу остановить. Видишь, какой я беспомощный. А ежели я правду узнаю, то мне все-таки легче будет.

– Да ведь за кассой старший приказчик Силантий Максимыч стоит. Вы ему поручили. При чем же тут я-то, дяденька?

– Ну а Силантий Максимов сильно лапу запускает?

– Да почему же я-то знаю, дяденька! Мое дело составить записку, какого товара у нас не хватает, что подобралось, потом сходить в конторы и отобрать товар. Ни расплаты, ни полочки денежной я не знаю.

– Да ведь уж видно сейчас.

– Как же это так видно! Все денежные дела в его руках, а чужая душа – потемки.

– Ох, врешь, Костюшка! Чувствую, что врешь! – сказал старик, устремил на племянника испытующий взор и быстро спросил: – Ты не в стачке с Силантием Максимовым?

– Да что вы, дяденька!

– Говори как на духу, говори искренно! – погрозил пальцем старик.

– Что я с ним не в стачке, уверяю вас.

– Ох, врешь! Чувствую, что врешь!

– Мне, дяденька, и вашего положения достаточно. Что ж, сорок рублей в месяц – деньги немаленькие, коли ежели на всем на готовом.

– По глазам твоим вижу, что ты это врешь! Ну, что тебе сорок рублей, ежели...

– Вот, что насчет портного, то действительно я нынче просил Силантия Максимова, чтобы он заплатил по счету, – перебил Костя. – Надо тоже, дяденька, быть чисто одевшись. Езжу по немецким конторам, чтобы товар закупать, так осудить могут, коли ежели в рвани какой... Ну, Силантий Максимыч и заплатил.

– Много?

– Сто двадцать пять рублей, дяденька, но пять рублей в скидку пошло. Только и всего.

– А больше ничем не пользовался?

– Ничем, дяденька.

Старик покачал головой.

– И ты думаешь, я поверю этому? – спросил он.

– Воля ваша, дяденька.

Старик помолчал и прибавил:

– А ты вот что... Ты грабь полегче, да и за другими смотри, чтобы легче грабили. Ведь у себя грабишь, тебе же все после моей смерти останется.

Костя встал, подошел к дяде и поцеловал у него руку.

– Прикажете читать, дяденька? – сказал он.

– Читай, читай.

И опять чтение.

Вошла неслышными шагами чернобровая женщина, приложила левую ладонь к щеке, пригорюнилась и молча села в уголке на стул. Через минуту она пересела на другой стул, ближе к старику, еще через минуту переместилась еще ближе и, когда псалом кончился, кашлянула в руку, как бы давая знать, что она тут. Старик обернулся и нахмурился.

– Только пугаешь, – сказал он. – Подкрадешься, как кошка, а потом вдруг кашляешь. Я думал, и не ведь кто.

– Я, батюшка, Евграф Митрич, я Настасья... – отвечала чернобровая женщина. – Пришла узнать, как вам теперь, не полегчало ли?

– Так вот сейчас по шучьему веленью да по вашему прошенью и полегчает!

– К чему же вы раздражаетесь-то, благодетель? Я от чистого сердца, а вы...

– Знаю я твое чистое сердце!

– Господи боже мой! Неужто за восемнадцать-то лет я от вас веры не заслужила! Кажется...

Старик еще больше нахмурился и украдкой кивнул на племянника, перелистывавшего псалтырь. Женщина умолкла.

– Да что бы вам от вашей болезни, Евграф Митрич, тараканов-то этих самых попробовать, про которых давеча отец протоиерей говорил, – переменяла она разговор.

– Глотай сама... – был ответ.

– То есть, если бы вам, Евграф Митрич, только помочь могло, то верите ли, ей-ей, сама бы за вас тридцать штук проглотила! Живьем проглотила бы, – воскликнула женщина.

– Молчи. Не коварничай.

– Да какое же тут коварство-то, Евграф Митрич, батюшка?..

– Не только коварство, а даже неприличие и насмешка, – вот как я понимаю, Настасья Ильинишна, – поддакнул Костя дяде.

– И ты молчи. Не твое дело, – оборвал его старик и прибавил: – Переведи меня на постель да и уходи. Я спать хочу.

Племянник подскочил к дяде и стал поднимать его под руку. Подскочила и Настасья Ильинишна, взяв под другую руку.

– Ты-то чего лезешь? Тебе-то что? Ведь я тебя не просил, – огрызнулся на нее Евграф Дмитриевич, однако руки не вырвал.

Костя и Настасья Ильинишна уложили старика на кровать и подсунули ему под голову и под спину несколько подушек.

Старик не мог низко опускать голову. Его душило.

Уложив старика, Костя удалился. Настасья Ильинишна осталась при старике. Осмотревшись и видя, что в комнате никого нет, она припала к старику на грудь, обхватила руками за шею и, поцеловав, проговорила;

– Евграф Митрич, батюшка, благодетель! За что вы так со мной?.. Ведь уж, кажется, верна я вам, как собака. Восемнадцать лет чуть не молюсь на вас.

– Не лижись, не лижись... Что ты на меня навалилась-то! Ведь задушить можешь! Не понимаешь разве?

– Батюшка! Ну зачем такие слова своей верной рабе?

– Да, раба! Ты это в глаза только раба-то, а за глаза-то, поди, как меня костишь! И скаредом, и аспидом...

– Ах, милостивец, Евграф Митрич! Точно, что иногда поропщешь на вашу скупость, но взгляните вы в мою душу...

Настасья Ильинишна заслезилась.

– И я, и дочь моя денно и ночью молим Бога о вашем здравии. Умрете вы – ну, что мы будем? Ведь чуть не по миру идти... Иголкой-то тоже немного наковыряешь. Да и отвыкла уж я от этого из-за ваших благодеяний.

– Ну, молчи, молчи. Нечего тут... Я не обижу... Довольно лизаться, довольно... – бормотал старик.

– Ведь только не венчаны мы, да на одной-то квартире не квартировали, а то ведь живем восемнадцать годов как муж и жена. И дочка ваша Таисонька... Каждый день, как проснется поутру, сейчас на ваш портрет взглянет и перекрестится. «Дай Бог здоровья папеньке...»

– Ну, довольно. Иди домой... Уж двенадцать часов... Пора спать.

– А я хотела, голубчик, Евграф Митрич, попроситься у вас, чтобы вы мне с Таисонькой позволили здесь сегодня переночевать, – робко сказала Настасья Ильинишна.

– Это еще зачем?

– Да ведь уж поздно домой-то идти, голубчик. К тому же и вас-то жалко оставить, такой вы сегодня слабенький да неимущий. Ну вдруг хуже вам случится? Я и за доктором сбегая, я и...

– Приказчики есть, Костя, старуха Ферапонтовна, кухарка...

– Так-то оно так, но все-таки лишняя женщина. И подать что, и натереть вас, ежели что случится. А что Ферапонтовна, то какая она работница! Ей только бы до себя.

Позвольте мне и Таисоньке переночевать у вас. Я вон в той комнате рядышком не раздеваясь на диванчике лягу, а вы чуть что – и позовете меня.

Старик подумал.

– Ну, оставайся, – сказал он и тотчас же прибавил:

– А только ты это все, Настасья, с коварством... Ты думаешь, нешто я не понимаю твоего коварства?

– Да какое же тут может быть коварство-то, батюшка, Евграф Митрич!

– Ну вот... Будто я не понимаю! Все вы, подлые, на смерть мою рассчитываете: и ты, и Костя, и приказчики.

Настасья Ильинишна заплакала.

– Бог с вами, Евграф Митрич... Только обижать и умеете.

– Будет, будет... Достаточно... Ступай...

– Позвольте, благодетель, Таисоньке-то с вами на сон грядущий проститься, – проговорила Настасья Ильинишна, отирая слезы. – Кстати и благословите ее.

– Зачем?

– Как «зачем»? Ведь кровь ваша.

– Кровь? – подозрительно повторил старик. – Ну, насчет крови-то это еще вилами писано.

– Боже милостивый! Что вы говорите! – всплеснула руками Настасья Ильинишна. – Да я как свечка перед иконой...

– Ну уж, веди, веди ее сюда. Так и быть.

Настасья Ильинишна подошла к дверям и поманила. Вошла девушка, подошла к кровати старика и припала к его руке. Старик притянул ее за голову, чмокнул в лоб и три раза перекрестил. Сделав это, он замахал руками и раздраженно заговорил:

– Идите, идите вы от меня теперь! Довольно! Дайте покой.

Настасья Ильинишна и Таиса удалились.

Глава VI

Человек пять так называемых швейцаров со всех ног бросились от вешалок к Косте Бережкову и принялись с него снимать меховое пальто, когда он только показался в притворе «Увеселительного зала».

– Афишечку, Константин Павлыч, прикажете? Бинокль желаете? – слышалось со всех сторон.

– Всех действующих лиц наизусть знаю, а рассматривать могу их сколько влезет и вблизи на сцене, – отвечал Костя.

– Знаю-с, что вы здесь постоянный и почетный гость, но нам-то вашему сиятельству услужить хочется. Поддержите коммерцию.

– Ну, давайте... Черт с вами!

– Пальто Константина Павловича на первую вешалку, чтоб потом не разыскивать и не задерживать их! – крикнул один швейцар другому.

– Знаю. Толкуй еще! На самый почетный гвоздь повесим, – раздался ответ.

Раскланявшись с дежурным околоточным и подав ему дружески руку, Костя направился к окошечку кассы.

– Загнуто, загнуто для вас ваше кресло в первом ряду. Смело садитесь. Деньги потом отдадите. На ваш счет запишу, – заговорил с еврейским акцентом кассир, просовывая из окошка курчавую голову.

Вместо ответа Костя сделал кассиру ручкой и вошел в помещение «Увеселительного зала». Стоявшие у входных дверей контролеры встретили его поклоном и распахнули дверь.

– Билет мой можете получить от кассира, – кивнул им Костя.

– Знаем, Константин Павлыч... Пожалуйста.

Пришлось проходить мимо буфета, чтобы попасть в театральный зал. За столиками в сообществе мужчин сидели с подведенными глазами и накрашенными лицами женщины, пили пиво и дымили папиросами. Были женщины с очень поношенными лицами, были и молоденькие, со свежими личиками. Одна из поношенных скосила на Костю глаза и процедила сквозь зубы:

– Скажите, какой гордый кавалер! С тех пор, как с актеркой связался, и не кланяется даже! Здравствуйте, Константин Павлыч.

– Некогда, некогда. Ну вас в болото! – пробормотал Костя и вошел в театральное зало.

Был десятый час вечера. Представление давно уже началось. Шло второе отделение программы. На сцене ломался какой-то немец в зеленом фраке, в желтой жилетке и неестественном рыжем парике. Гримасничая, бормоча без умолку и вставляя в немецкую речь русские слова, он подскочил к рампе и запел куплеты под музыку. Костя прошел в первый ряд.

Там сидели все завсегдатаи первого ряда. Были молодые и старые. Он поздоровался кой с кем и сел. Заглянув в афишку, он увидел, что Надежда Ларионовна поет в самом конце отделения. Кривляющийся немец был ему не смешон, сменивший его жонглер с кинжалами и шарами тоже не интересен, да и не того ему было нужно. Душа его стремилась к Надежде Ларионовне. Посидев минут десять, он поднялся с кресла и направился ко входу на сцену. Сторож, стоявший у дверей, хоть и не загородил ему дорогу, но все-таки остановил его.

– Нельзя, Константин Павлыч, на сцену... – сказал он. – Видите надпись: «Вход посторонним лицам строго воспрещается».

– Да я нешто посторонний? Кажется, уж слава богу... – отвечал Костя. – Я к Люлиной, к Надежде Ларионовне...

– Знаю-с, что к ним, но все-таки... С нас ведь спрашивается.

– Да ведь ежели бы я не бывал на сцене, а то сколько раз бывал.

– Опять вышел приказ, чтобы никого не пускать.

– Да ведь мне только на минуточку... Поди и спроси режиссера. Ведь мы с ним приятели, сколько раз пили вместе и все...

– Ну, так погодите немного, а я сейчас спрошу.

Сторож удалился на сцену и тотчас же вернулся, сказав:

«Пожалуйста». Костя сунул ему в руку несколько мелочи и вошел на сцену.

В кулисах стояла совсем уже подготовившаяся к своему выходу на сцену Надежда Ларионовна и, держа перед собою бумажку, повторяла про себя куплеты.

Она была в трико, в коротенькой голубой юбочке с серебряными блестками и бахромой, еле прикрывающей верхнюю часть ее бедер, в сильно декольтированном корсаже и в какой-то фантастической шапочке. Костя подошел к Надежде Ларионовне, тронул ее слегка за руку и с замиранием сердца произнес:

– Надюша! Я приехал.

– Фу, как вы меня испугали! – вздрогнула Надежда Ларионовна. – Вот черт-то! Разве можно так перед выходом?.. Ведь вы мне таким манером можете весь... весь... ансамбль в роли испортить.

Она не знала, что сказать, и употребила слово «ансамбль». – Прости, Надюша, но не мог же я во все горло... Ведь тут сцена, идет представление.

– Тьфу! Даже опомниться не могу... – бормотала она, притворно держась за сердце. – Тут роль учишь, думаешь, как бы получше, а он подкрадывается.

– Ну, хочешь, Надюша, я сейчас за лимонадом в буфет пошлю? Выпьешь холодненького, и все пройдет.

– Не надо мне, ничего не надо, – сделала она гримаску и прибавила: – Да вот еще что: пока я от вас не получила черно-бурой ротонды, по тех пор я для вас не Надюша и вы не смейте меня так называть. Ну, чего ж вы тут толчетесь? Посторонней публике не велено быть на сцене. Идите.

– Я только на минутку... чтобы сказать тебе, что пришел.

– Ну, и отлично. А теперь поклон да и вон.

– Но ведь ты сама же меня звала и хотела познакомить через Лизавету Николавну с Шлимовичем... С Шлимовичем, чтобы занять у него денег.

– Так ведь не здесь же я буду вас с Шлимовичем знакомить. Это после спектакля, в зале.

– Лизавета Николавна здесь. Она в креслах сидит.

– Знаю и даже видела ее. Она приходила ко мне в уборную. Ну, идите же и садитесь в кресло, чтобы мне хлопать, когда я петь буду! – возвысила голос Надежда Ларионовна.

– Сейчас, сейчас... Дай только полюбоваться-то на тебя вблизи... – говорил Костя, пожирая ее глазами. – Ах, Надя, Надя, как к тебе идет этот костюм!

Она улыбнулась и вполголоса запела:

– Труля-ля-ляля... Труля-ля-ля. Еще бы больше шел, – прибавила она, – да обожатель-то у меня – идол бесчувственный. Для такого костюма по-настоящему бриллиантовая брошка бы требовалась, а обожатель подарить не может. – Все подарю, Надя, все, только бы денег занять. Повернись-ка, повернись-ка, дай-ка мне хорошенько посмотреть на тебя в этом костюме...

– Ну вот... Стану я для вас вертеться!

– И как к тебе трико идет... Какая у тебя ножка хорошенькая, особенно вот здесь в этих местах.

– Хороша, да не ваша. И не будет ваша, не будет, покуда ротонду не получу.

– Душу черту продам, а уж ротонда у тебя будет.

– Ротонда, лошади и брошка бриллиантовая, а то фють! Надежда Ларионовна сделала жест рукой, хлопнула себя по бедру и отвернулась.

– Так ты выйдешь потом в залу? – снова начал Костя.

– Выйду, выйду, уходите только скорей.

– Надежда Ларионовна, приготовьтесь! – подбежал к ней режиссер. – Сейчас ваш выход.

– Готова. Прогоните только вот этого... – отвечала Надежда Ларионовна, указывая на Костю.

– Ухожу, ухожу... – пробормотал Костя. – Ну, счастливо тебе... Хлопать иду. Все руки себе отобью. – Он подал режиссеру руку, шепнув: – Приходите потом в буфет выпить, – и на цыпочках стал уходить со сцены.

Глава VII

С шумом и громом встретила публика Надежду Ларионовну, когда та, выскочив на сцену, побежала к рампе, улыбнулась и сделала ручкой. Всех поразил ее костюм. В этом костюме она появилась в первый раз. Он был уже совсем откровенен. В таких костюмах появляются только акробатки, жонглирующие в цирке на канате. Что же касается до декольте корсажа, то оно даже перехвастало корсаж акробатки. Оркестр сделал аккорд. Капельмейстер дал смычком знак Надежде Ларионовне, и она запела. Пела она какие-то дрянненькие сальные куплеты очень слабеньким голоском и поминутно фальшивя, но, тем не менее, после каждого куплета публика приходила в восторг и неистово аплодировала. Причиной успеха был костюм, позволявший видеть действительно стройные формы Надежды Ларионовны и ухарские, впрочем не лишённые некоторой грации, жесты. В особенности приходил в восторг сидевший неподалеку от Кости Бережкова старик с усатой военной физиономией, с двойным подбородком и оттопыренной нижней губой. Одет он был в черный сюртук и имел в петлице орденскую ленточку. Он привскакивал даже на кресле во время аплодисментов и аплодировал, поднимая руки кверху и как бы простирая их к Надежде Ларионовне... Этот старик не был в числе завсегдатаев театра, Костя видел его в первый раз и уже ревновал к Надежде Ларионовне.

«Вот, вот... Этот старик, должно быть, тот самый полковник и есть, который предлагает Наде ротонду и лошадей и про которого говорила ее тетка, – думалось ему. – Ах, старый пес! Туда же! Да и Надя-то... Неужели она может польститься на такую старую тушу, хоть бы из-за корысти? Надо, надо подарить ей ротонду. Во что бы то ни стало надо».

– Браво, браво, Люлина! – закричал Костя, дабы перекричать старика, приподнялся на своем кресле и стал стучать о пол своим креслом.

К нему наклонился сидевший по левую от него руку тощий, с геморроидальным лицом пожилой мужчина в пенсне и пестром галстуке и произнес:

– Какова Люлина-то! Раз от разу лучше. Это совсем русская Филиппо. Да что! Сегодня она даже Филиппо перещеголяла.

– Филиппо-с ей в подметки не стоит. За пояс она заткнула Филиппо, – слышалось дальше. – С каждым днем развивается женщина. Вы посмотрите, что из нее выйдет! Далеко пойдет.

– Надо поддержать! Надо поддержать! – раздавалось сзади, и аплодисменты трещали.

Надежда Ларионовна торжествовала. Она улыбалась приветливой улыбкой и кланялась направо и налево. Но вот она кончила куплеты и вприпрыжку убежала за кулисы. Взрыв рукоплесканий, и начались вызовы. Она выбегала, приседала и делала ручки.

– Черт знает, что за улыбка у ней канальская! – воскликнул старик с военной физиономией, и его всего даже как-то передернуло на кресле.

«Бис, бис!» – кричала публика, требуя повторения. Надежда Ларионовна опять показала у рампы и повторила два последних куплета. Аплодисменты усилились. Костя бил в ладоши и млел. На глазах его даже блеснули слезы. Такой успех Надежды Ларионовны он видел в первый раз.

– Любимицей, любимицей, положительно любимицей всей публики будет, – ораторствовал перед соседями по креслу геморроидальный человек в пестром галстуке. – Господа! Надо поощрить веночком... Поднесемте в следующий раз ей венок. Сложимся и поднесем. Ну, что стоит поощрить венком? Таланты надо поощрять.

Вызовы все еще продолжались.

– Прачку, прачку! – кричала публика, требуя исполнения куплетов «Прачка», с успехом петьх уже раньше Надеждой Ларионовной.

Надежда Ларионовна опять подбежала к рампе, пошептала с капельмейстером и запела «Прачку». Куплеты были старинные, хорошо знакомые завсегдааим театрика, и завсегдааи начали подпевать Надежде Ларионовне, мерно ударяя ладонями в такт музыки. Кончились эти куплеты – и снова раздались аплодисменты.

Успех был полный.

К геморроидальному человеку в пестром галстуке подошел какой-то бакенбардист и сказал:

– Здравствуйте. Послушайте, вы знакомы с Люлиной? Ежели знакомы, то познакомьте меня с ней. Это совсем звездочка шансонетки.

Костя прислушивался. Он не слышал, что отвечал геморроидальный человек бакенбардисту, но и от этих слов его ударило в жар.

«Отобьют, отобьют ее от меня, – мелькало у него в голове. – Нужно как можно скорей утешить ее – все, все для нее сделать, что она просит. Ротонду, лошадей... все, все».

Второе отделение представления кончилось. Костя бросился на сцену. Надежда Ларионовна была в уборной и переодевалась. Он побежал к дверям ее уборной. У дверей стоял уже геморроидальный человек, помахивая золотым пенсне, и сквозь дверь переговаривался с Надеждой Ларионовной.

– Пришел повергнуть вашим милым ножкам мое искреннее спасибо за то истинно художественное наслаждение, которое вы доставили вашим исполнением, – говорил он. – Прелестно, прелестно. Я объехал всю Европу, но сочетания такой грации и такой пластики ни у одной исполнительницы не видал.

– Мерси вам. Очень мерси, – отвечала из уборной Надежда Ларионовна.

Костя зверем посмотрел на геморроидального человека, постучал в дверь уборной и крикнул:

– Надежда Ларионовна! Вы скоро? Мы можем сейчас ехать ужинать.

– Ах, отстаньте вы, пожалуйста! Ну чего вы пристааете!

Какая-то судорога сжала горло Кости, и он чуть не заплакал, до того был обиден ему подобный ответ при постороннем человеке. Костя пожевал губами, собрался с силами и опять произнес:

– Но однако ведь вы же обещались ехать?

– Ну и дождитесь.

Наконец Надежда Ларионовна распахнула дверь уборной.

Она уже стояла переодетая из костюма в обыкновенное платье. В глубине уборной Костя увидел тетку Надежды Ларионовны. Та суетилась, завязывая в узел костюм. Там же в уборной сидела и Лизавета Николаевна – рослая, полная брюнетка, несколько южного типа, очень нарядно одетая, в бриллиантовых серьгах, в бриллиантовой брошке и в таких же браслетах и кольцах. Костя подскочил к Надежде Ларионовне и хотел ей что-то сказать, но она отстранила его рукой и раздраженно проговорила:

– Погодите... Ну, чего вы!.. Дайте мне поговорить со знакомым. Вы видите, мне делают визиты...

Она кивнула на геморроидального человека и подошла к нему, подавая руку. Тот тотчас же приложился к руке ее и раза три, как говорится, взасос чмокнул ее...

– Положительно прелестно, божество мое! Среди русских исполнительниц я не видал и не слышал ничего подобного, – проговорил он и прибавил: – Поверьте, что все это вам говорит не неопытный юноша, а человек опыта, человек бывалый, которого, так сказать, уже и жизненная моль подъела.

Костя злился. Он подошел к Лизавете Николаевне, поздоровался с ней и заговорил о чем-то бессвязно, глупо, то и дело направляя свое ухо, дабы слышать разговор Надежды Лари-

оновны с геморроидальным человеком. Наконец тот кончил, поклонился еще раз, приложился к руке Надежды Ларионовны и стал уходить со сцены.

Надежда Ларионовна подошла наконец к Косте и Лизавете Николаевне. Вид ее был торжествующий.

– Ну что, Фатюй?! – сказала она, тронув пальчиком Костю по носу. – Видели вы, как меня публика-то любит! Как Пати какую-нибудь сегодня принимали. Вот вы и судите теперь – прежняя ли я Люлина. Нет-с, уж теперь мне без пары лошадей жить нельзя. Или потрошите вашего старика-дядю, чтобы мне стать на настоящую точку, или не смейте больше и на глаза показываться!

– Какая строгость! – проговорила Лизавета Николаевна и улыбнулась.

– С ихним братом без этого нельзя, – отвечала Надежда Ларионовна. – Ихнему брату распусти вожжи-то, так он и не почешется.

Костя стоял потупившись и бормотал:

– Все будет, все будет, потерпи только немножко.

– Ну, что ж вы стоите, как истукан бесчувственный! Приглашайте Лизавету Николаевну в ресторан ужинать. Да вот что... Не худо бы тройку взять и ехать куда-нибудь за город, да там и поужинать.

– В момент! – встрепенулся Костя. – Лизавета Николаевна, позвольте вас просить...

– С удовольствием, но ведь я не одна. При мне моя слабость... Я здесь с Адольфом Васильевичем, – отвечала Лизавета Николаевна.

– И Адольфа Васильевича всепокорно прошу, познакомьте меня с ним. Давно горю желанием познакомиться, – поклонился Костя.

– А вот пойдете к нему. Он тут у самого входа на сцену и дожидается меня.

Лизавета Николаевна взяла Костю за руку и вывела со сцены. У дверей, ведущих на сцену, ходил по коридорчику сухопарый, горбоносый брюнет, франтовато одетый.

– Адольф Васильевич... Вот, познакомьтесь... Константин Павлыч... – начала она, подводя Костю к брюнету.

– Бережков... – отрекомендовался Костя.

– Шлимович, – процедил сквозь зубы брюнет.

– Вот Константин Павлыч и Надя Люлина едут за город и приглашают меня и, разумеется, тебя... – продолжала Лизавета Николаевна.

– Будьте добры для первого знакомства... – расшаркался Костя.

Шлимович подумал и ответил:

– Пожалуй. Прокатиться будет недурно.

– Так я сейчас пошлю за тройкой, – засуетился Костя. – Где Надежда Ларионовна? Лизавета Николаевна! Позовите Надю...

Но Надежда Ларионовна и сама показалась в дверях, выходящих со сцены. Сзади шла тетка и несла чемоданчик с костюмом.

– Ведь вас, Надюша, всего четверо, а в троечных санях могут уместиться и пятеро, так отчего бы вам и меня не взять с собой? – говорила тетка.

– Нет, нет! И думать не смейте! Вот еще выдумали.

Идите сейчас домой – вот вам и весь сказ, – отвечала Надежда Ларионовна и, обратясь к Косте, сказала: – Опять без дела стоите! Ну что ж вы! Познакомились с Адольфом Васильевичем, так бегите в швейцарскую и велите швейцарам, чтобы они нам тройку привели.

Костя со всех ног бросился в швейцарскую.

Глава VIII

Тройка и ужин именно в загородном ресторане не шли в расчет Кости Бережкова. Он думал, что Надежда Ларионовна ограничится ужином в каком-нибудь ресторане «Вена» или в трактире «Малый Ярославец», как это было прежде и где цены сравнительно много дешевле, но она потребовала поездку на тройке и загородный ресторан. Денег у него было мало. Сегодня он не мог ничем попользоваться от дядиной лавки. Обстоятельства так слагались, что отделить что-нибудь из выручки незаметным манером для себя было решительно невозможно. Просить денег у старшего приказчика Костя не решался. Со старшим приказчиком они были не в ладах. Костя заглянул в бумажник. В бумажнике было всего шестьдесят рублей. Костя призадумался.

«Тройка, ужин... А вдруг она еще цыган потребует? – мелькнуло у него в голове. – Надо занять, надо у кого-нибудь занять, а то можно сконфузиться, ежели при расчете денег не хватит. Занять, занять... – повторял он мысленно. – Но у кого?»

Послав швейцара за тройкой к извозчику Булавкину, он, покуривая папироску, прохаживался по швейцарской и соображал, где бы занять денег. Положение было ужасное. Занять у Шлимовича на ужин, которым он же и будет угощать его, Шлимовича, было невозможно. Этим можно было испортить предполагаемый дальнейший более крупный заем. Взор Кости случайно упал на кассовое окно в швейцарской и на выглядывающую оттуда курчавую голову еврея-кассира.

«У него разве попробовать занять рублей пятьдесят?» – пробежало в голове Кости.

Медлить было некогда, и Костя, хоть и смущенный, подбежал к кассе.

– Я к вам, уважаемый Моисей Ильич... – начал он, обращаясь к кассиру. – Вот видите ли... Я сегодня не рассчитывал, совсем не рассчитывал, а мой кусок, эта самая Люлина, хочет ехать на тройке ужинать. А я не сообразил и не захватил... Денег в моем министерстве финансов только шестьдесят рублей. Дайте пятьдесят рублей до завтра или до послезавтра?

Кассир замаялся, пожал плечами, растопырил пальцы рук, сделал кислую гримасу.

– Я не без процентов прошу, – продолжал Костя. – Возьмите за пятьдесят рублей ну, хоть шестьдесят, что ли. Да там я вам еще за кресло первого ряда должен, так туда же причтите. За кресло два рубля.

Гримаса исчезла с лица кассира.

– Ну, идите сюда в кассу и пишите расписку в шестьдесят пять рублей, – сказал он.

– Ну, вот спасибо, благодетель! – оживился Костя, юркнув в кассу. – Ей-ей, Моисей Ильич, не рассчитывал, что мой кусок задумает сегодня променаж за город, а то неужто бы я?... – оправдывался Костя и сказал: – Ну, давайте сюда бумажку, и я черкну вам расписку. Вот шестьдесят рублей, у меня есть шестьдесят рублей, – раскрыл он бумажник и показывал деньги, – но разве можно с эдакими финансами ехать за город?

Расписка написана. Деньги вручены. Рукопожатие. Костя со всех ног бросился к Надежде Ларионовне.

– Где это вы, мальчик, пропадали? – встретила его та. – Никуда послать нельзя. Везде пропадете.

– Я за тройкой посылал... Сама же ты... – оправдывался Костя.

– Ну что же, привели тройку?

– Нет еще.

– Это ужас, как вы копаетесь! А мы здесь сидим и ждем. Ведите же нас в буфет, по крайности, и поите чаем да велите дюшесов подать.

– Сделайте одолжение. Адольф Васильич... Лизавета Николаевна... Пожалуйте в буфет, – засуетился Костя и повел их в буфет.

Через час компания неслась на тройке в «Аркадию». Морозная пыль, выбиваемая из-под ног лошадей, так и обдавала Надежду Ларионовну. Надежда Ларионовна куталась в свое бархатное пальто, опушенное куницами, закрывала лицо муфтой и говорила:

– Хорош обожатель, нечего сказать! Не может хорошей теплой ротонды подарить и заставляет в пальтишке мерзнуть.

– Ах! – вздохнул сидевший против нее Костя. – Да ведь уж я сказал тебе, что будет у тебя ротонда.

– Когда? Когда морозы пройдут?

– Завтра, послезавтра все будет.

– Пора, пора вам Наде хорошую ротонду подарить, – поддакивала Лизавета Николаевна. – Певица такой успех имеет, такая любимица публики – и вдруг без меховой ротонды! Да будь Надя немножко поветреннее, у ней завтра бы сразу две ротонды явились. Теперь она так себя через свой талант поставила, что всякий за честь считает хоть один пальчик ее поцеловать.

Костя молчал.

– И не диво бы, если человеку денег взять негде, – продолжала Надежда Ларионовна. – А то человек около денег и только не хочет постараться, не хочет похлопотать. – Боже мой! – проговорил наконец Костя. – Да ведь я сказал тебе, что у меня во время болезни дяди маленькое междометие насчет денег вышло. Ну, погоди чуточку... Всякий человек может быть несколько дней не при деньгах.

С банкирами случается. Ведь на ротонду нужно не сто, не двести рублей. Уж покупать, так покупать хорошую вещь.

– У кого денежное междометие, тот старается занять, чтобы утешить свой предмет, а ты и этого не хочешь. Чего ты боишься-то! Тебе дадут. Ты не нищий, не прощельга. Прощельги и те деньги достают, когда постараются. А просто ты ленивый мальчик. Робкий и ленивый. Попросту – дурак.

– Надюша! Зачем же так? И вдруг при всей публике! – конфузливо пробормотал Костя.

– Что такое: при всей публике! Здесь все свои. А конечно же дурак...

– Вовсе я не дурак. А понятное дело, если человек никогда не занимал, то ему дико и совестно. Да и кроме того... Минуточки свободной нет, пока дядя болен... Ведь он при смерти болен. Не ходит, не лежит, а только сидит. Просто отлучиться от него невозможно. Уж как я от него сегодня урвался – даже и не знаю. Все заставляет сидеть около себя, все заставляет божественные книжки ему читать. Знаешь, как я сегодня урвался? Хоть и совестно при Адольфе Васильиче говорить, а уж скажу, – кивнул Костя на Шлимовича. – Наврал ему, что сегодня надо идти в заседание конкурса одного несостоятельного должника. Узнает старик, что никакого заседания сегодня нет, – страх как рассердится, что я его надул, и никакого наследства не оставит...

– Пой, пой... – ударила его муфтой по носу Надежда Ларионовна. – Знаю я тебя. А я тебе вот что скажу – и это будет мой последний сказ: ежели на этой неделе у меня не будет всего того, что я прошу, то я тебя возьму да и брошу. Ты не веришь? Ей-ей, брошу. Плевать мне на тебя.

Ты думаешь, обожателей-то не найдется? Со всех сторон, батюшка, пристают, только стоит взглянуть на них поласковее. Видел, давеча у моей уборной изнывал брюнетик с бородавкой на щеке и в золотом пенсне? Так вот уж он давным-давно около меня увивается, и стоит мне только слово сказать, так и лошади у меня будут, и ротонда, и бриллиантовая брошка. Все, все будет. Стар он и неказист из лица, так ведь с лица не воду пить. Был бы добрый человек да баловал меня. Что мне такое лицо! Мне хоть бы песок да солил.

Лизавета Николаевна захохотала. Фыркнул и Шлимович.

Костя слушал и сидел как на иголках.

Наконец показались электрические фонари «Аркадии». Ямщик свистнул и погнал лошадей. Лошади понеслись вскачь и вскоре остановились у подъезда. Подбежали посыльные, какие-то люди в полушубках и передниках и начали высаживать из саней компанию. Костя выходил из саней тоже и чуть не плакал. Слезы давили ему горло. Нижняя губа тряслась.

Глава IX

Костя Бережков, Надежда Ларионовна, Шлимович и Лизавета Николаевна шли по зимнему саду ресторана «Аркадия». Перед ними в почтительной позе пятился задом поймавший их еще в прихожей круглолицый слуга – татарин во фраке и белом жилете с салфеткой под мышкой – и говорил:

– Отдельный кабинет вашим сиятельствам? Кабинет с роялем прикажете?

Костя лебезил около Надежды Ларионовны.

– Хочешь в кабинет, душечка, или желаешь ужинать в саду, чтобы музыку слушать? – спрашивал он.

– Конечно же, в кабинет. Что такое музыка? Музыка-то мне и у нас в театре надоела, – отвечала та.

– Кабинет! – скомандовал Костя.

– Пожалуйста, ваше сиятельство.

Компания очутилась в отдельном кабинете. Засуетились уж два лакея-татарина. Один сдергивал скатерть со стола и покрывал его свежую скатертью, другой зажигал канделябры.

– Чем просить прикажете, Адольф Васильевич? – обратился Костя к Шлимовичу. – Наденька... Лизавета Николаевна, чего прикажете?

– Всего, всего, – сказала Надежда Ларионовна. – Да уж угостите хоть раз-то в жизни настоящего. Пусть Адольф Васильич заказывает.

Шлимович сделал гримасу и, блеснув бриллиантовым перстнем, поскоблил пробритый подбородок.

– Съедем хорошенькую стерлядку, ежели не жаль денег, – отвечал он.

– Зажарить стерлядь! – крикнул Костя. – В сметане, Адольф Васильич, прикажете?

– Постойте, постойте. Кто же жарит стерлядь! Это ведь значит портить хорошее. Стерлядей разварных едят.

– Будто? Ну, так разварить.

– Ты вот что... Ты уж сам не суйся. Пусть Адольф Васильич один заказывает, – повторила Надежда Ларионовна. – Заказывайте, Адольф Васильич.

Были заказаны закуска, ужин и вина. Лакеи суетились, гремя тарелками. Лизавета Николаевна села за рояль и играла польку. Надежда Ларионовна отвела Костю в сторону и шепнула:

– Проси же денег у Шлимовича. Ведь затем и приехали.

– Погоди, Надюша. Просто язык не поворачивается. Пусть прежде подадут закуску. Хвачу я для храбрости рюмку-другую и уж тогда.

Подали закуску. Все подсели к столу.

– Адольф Васильич, по рюмочке... – предложил Костя. Выпили. Пили и дамы. Повторили, но Костя все еще не решался приступить к Шлимовичу насчет денег. Надежда Ларионовна дернула Костю за рукав и прошептала:

– Что ж ты?

– Сейчас.

– Пентюх! – обозвала она его презрительно и обратилась сама к Шлимовичу: – Костя хочет с вами о чем-то переговорить, Адольф Васильич, – сказала она.

– О чем? О чем? – спрашивал тот.

Костя смутился и покраснел.

– А разве Лизавета Николаевна ничего вам не говорила насчет меня? – спросил он, смотря в тарелку.

– Лизавета Николаевна? – протянул Шлимович. – Да, она говорила, что вы нуждаетесь в деньгах.

– Большая заминка насчет денег в нашем министерстве финансов. Извольте видеть, у нас все больше торговля в кредит, в кредит продаем, и деньги не всегда в кассе бывают. На наличные самые пустяки продаем.

– Знаю я торговлю вашего дяди.

– То есть полочки есть, но они идут на оборот торговли. У дяди много свободных денег, но в оборот торговли он их не пускает. У него и дома, и все... но то само по себе... Свободные деньги отдельно, а торговые отдельно.

– Понимаю, понимаю.

– Попросту сказать, дядя его богат, как черт, но скуп и даже, можно сказать, скряга, – перебила Надежда Ларионовна.

– Скупенек-то скупенек, – согласился Костя. – Но все-таки он мне дает денег на житье и не запрещает, коли ежели в кассе достаточно. У дяди лавки отдельно, капиталы отдельно... Дома у него очень большой шкаф, стоит около кровати... – Костя путался, но все-таки продолжал: – Ежели рассчитать дядины капиталы, то он и торгует-то только так... для прокламации.

– Как? – спросил Шлимович.

– Только для прокламации, чтобы какое-нибудь дело делать. Привык, ну и... А то ежели расчесть все его доходы по домам только... Ну, и значит, что для прокламации...

Серьезное лицо Шлимовича скривилось в улыбку.

– Я на его месте взял бы и плюнул на торговлю, закрыл бы лавочку. Ведь ежели бы мы кому-нибудь должны были, а то покупаем все на наличные, – рассказывал Костя. – У самих в кредите гуляет ужас сколько, а сами... – Да говори ты прямо, – опять перебила его Надежда Ларионовна. – Ну чего ты о торговле-то Адольфу Васильичу размазываешь!

– погоди, Надюша... Нельзя же вдруг... Надо все обстоятельно...

– Что «обстоятельно»? Мы не затем сюда приехали, чтобы о торговле слушать.

– Выпьемте, Адольф Васильич, еще по рюмке.

Выпили.

– По частям, конечно, можно из торговли брать, но в том-то и дело, что мне нужно теперь сразу побольше, – снова начал Костя. – Обратиться к старику – старик болен, можно даже сказать, при смерти... Сейчас разговоры: зачем? Почему? Да что, да как?.. Вы понимаете, Адольф Васильич?

– Да понимаю, понимаю.

– Вот оттого-то я к вам и обращаюсь. Не можете ли вы мне дать денег взаймы? – высказал наконец Костя.

Произошла пауза. Шлимович опять сделал гримасу, молчал и скоблил пробритый подбородок.

– Вот видите ли, – сказал он, растягивая слова. – Я сам денег не даю, я сам этим не занимаюсь.

Костя был облит как водой.

– Не занимаетесь? – проговорил он. – А мне сказали, что вы занимаетесь.

– Нет. Я комиссионер. Я подыскиваю таких людей, которые деньги дают, и свожу их с заемщиками, и, разумеется, беру за это комиссионные.

– Так, так... Так будьте добры порекомендовать меня. Я под вексель...

– Это уж само собой. Иначе нынче и не дают... Даже под вексель и без бланка-то трудно достать.

– Похлопочите уж, Адольф Васильич. Что нужно будет вам за хлопоты – я с удовольствием...

Костя схватил Шлимовича за руку и пожал ее.

– Сколько вам денег-то надо? – спросил Шлимович.

– Мне?..

Костя замаялся и взглянул на Надежду Ларионовну.

– Да просите уже больше. Чего тут! – отвечала та.

– Просить можно, но можно ли достать – вот вопрос, – подмигнул ей Шлимович.

– Тут деньги верные. Он отдаст. Эдакий богатый дядя, да чтобы не отдать! Наконец, дядя – старик и при смерти. Умрет – все ему оставит.

– Сколько же вам надо? – повторил Шлимович, обращаясь к Косте.

– Дайте ему пять тысяч, – сказала Надежда Ларионовна.

– Нет, две, две... Две тысячи мне будет довольно, – подхватил Костя.

– Вот дурак-то! – всплеснула Надежда Ларионовна руками. – Да вы рассудите только: ведь вы должны мне ротонду меховую хорошую купить, должны брошку купить бриллиантовую...

– Позвольте, Надежда Ларионовна, – остановил ее Шлимович. – Я считаю так, что и две-то тысячи очень трудно будет мне достать для Константина Павлыча... Константин Павлыч? Так, кажется?

– Как ни зовите, лишь хлебом кормите. Но так, так. Достаньте, Адольф Васильич, две-то тысячи.

Шлимович снова поскоблил подбородок.

– Ежели и достану, то предупреждаю вас, что условия будут очень тяжелые, – отвечал он и опять сделал гримасу. – Я на все согласен. Только достаньте.

– Похлопочу и завтра же дам ответ. Только послушайте... Из разговоров ваших я успел заметить, что вам нужны деньги на меховую ротонду и на бриллиантовую брошку для Надежды Ларионовны.

– Вот, вот...

– Так зачем вам деньги? Я рекомендую вам лучше меховщика и бриллианщика. Те продадут вам брошку и ротонду и возьмут с вас вексель, причтя к нему проценты. Разумеется, вы и мне за комиссию заплатите. Это гораздо проще будет. Проще и легче достать.

Костя задумался.

– Мне, Адольф Васильич, также и денег нужно. Я в деньгах нуждаюсь, – произнес он наконец.

– Денег? Вот денег труднее. Даже я так думаю, что без второго бланка совсем невозможно.

– Мне хоть бы рублей тысячу наличными. Ну, даже хоть пятьсот.

– Возьмите все товаром. Те же деньги. Вы человек торговый и должны это понимать. Возьмете товаром, то есть бриллиантами и мехами, – и продадите их. Ну, конечно, немного потеряете, так уж у хлеба не без крох – говорит русская пословица, – проговорил Шлимович.

– Бери, Костя, бери. Бери, коли дают, – пихала его в бок Надежда Ларионовна. – Главное уж то хорошо, что я ротонду и брошку сейчас же получу.

Костя чесал затылок.

– Ротонду и брошку я возьму, но, кроме того, мне денег надо, – пробормотал он.

– Ах, боже мой! Да не все ли равно, что деньги, что товар! – убеждал его Шлимович. – Чего вы стесняетесь-то! Ежели хотите, то я вам и покупщика потом найду.

– Да не надо нам и покупщика. Зачем продавать? Меха всегда пригодятся, – опять вставляла свое слово Надежда Ларионовна и шепнула Косте: – Бери, Костя. Бери, коли дают. Денег потом где-нибудь в другом месте достанешь.

– Я согласен, – проговорил Костя. – По рукам и выпьемте!

Он протянул руку.

– Позвольте, позвольте... Выпить можно, но чтоб ударить по рукам, нужно прежде знать, будете ли вы согласны на условия займа, – откинулся на спинку стула Шлимович.

– Полторы копейки в месяц? – спросил Костя.

– Что? – усмехнулся Шлимович. – Полторы копейки в месяц – это мы считаем процентами коммерческими.

Нет, я так рассчитываю: если я вам за три процента в месяц достану товару, то и это будет уже хорошо.

– Три процента в месяц? – удивился Костя.

– А что же? Ведь вы не купец. По пяти берут.

– Соглашайся, Костя, соглашайся! Ну, что тут! – подбивала Надежда Ларионовна.

– Конечно же, соглашайтесь, – поддакнула Лизавета Николаевна и прибавила: – Ведь Адольф Васильевич еще ничего не знает. Если ему удастся для вас товару дешевле достать, то будет и дешевле.

Костя колебался.

– Ужаси какой несносный человек! – пожала плечами Надежда Ларионовна, бросив строгий взгляд на Костю.

– Согласен! – махнул рукой Костя. – Но когда я могу получить?

– Завтра ответ. Приду к вам в лавку и сообщу ответ, – сказал Шлимович и протянул руку к бутылке.

Глава X

Наутро Костя Бережков проснулся совсем без денег. Ста с чем-то рублей, которые были у него вчера в кармане, ему еле хватило рассчитаться за ужин и за вино. Надежда Ларионовна хоть и не требовала в кабинет цыган, но не удовольствовалась одной «Аркадией», а захотела прокатиться на тройке еще дальше – в «Озерки». В «Озерках» пили вино, и там также пришлось заплатить за три бутылки шампанского. Когда Костя на обратном пути подвез Надежду Ларионовну к дому, где она жила, в кармане его была только одинокая трехрублевка, которую он и отдал ямщику на чай.

– Ну, с Богом! А за тройку останется за мной. Послезавтра зайди сюда за деньгами. Получишь. Деньги будут у швейцара. Получишь и еще на чай! – скомандовал Костя.

Ямщик что-то хотел сказать, но только почесал затылок и тронул лошадей.

– Зачем же ты его отпускаешь? Он довезет тебя домой, – сказала Надежда Ларионовна.

– Я хотел, Надюша, к тебе... – робко заметил Костя и вошел было уже в подъезд.

– Нет, нет, ко мне нельзя теперь, – отстранила его Надежда Ларионовна. – Я уже сказала вам, чтоб без ротонды вы не смели ко мне показываться.

– Тише... Ну зачем ты при швейцаре-то? Швейцар слышит, – тихо заметил Костя.

– Плевать мне на швейцара! Уходите, уходите.

Костя не уходил и переминался с ноги на ногу.

– Ступайте же! – возвысила голос Надежда Ларионовна.

– Ну, прощай. До завтра.

Когда он вышел из подъезда, тройка уже уехала. В кармане у него не было даже мелочи на извозчика, и он поплелся домой пешком. Пьян он не был, но в голове его изрядно шумело. Что-то подмывало его вернуться обратно, позвониться в подъезд, ворваться к Надежде Ларионовне, но он побоялся окончательного разрыва с ней после такого скандала, а потому удержался. От борьбы с самим собой слезы душили его, подступали к нему к горлу.

– Что это за жизнь такая! Помилуйте... Такая жизнь хуже каторги. Нет, надо во что бы то ни стало доставать денег, – шептал он.

Утром, когда Костя явился к старику-дяде и поздоровался с ним, дядя подозрительно посмотрел на него и с одышкой проговорил:

– Что больно долго конкурсное-то заседание вчера продолжалось? Я не спал. Бьет двенадцать часов – тебя нет, бьет час – тебя нет, наконец, два – и все-таки не слышать твоего звонка.

– Я, дяденька, по черной лестнице вернулся, через кухню, чтобы вас звонком не тревожить, но я не поздно вернулся.

– Врешь, около часу ночи заглядывала ко мне Настасья. Я спросил ее о тебе, и она сказала, что тебя еще нет дома.

– Я в час пришел-с. В начале второго...

– Неужто так до второго часа конкурсное управление и продолжалось?

– В двенадцать часов кончилось, но я с председателем конкурса присяжным поверенным Ягняевым зашел в Палкин трактир чайку выпить.

– В трактир! Дядя еле дышит, а ты по трактирам шляешься! – ворчал старик.

– Глаз на глаз с ним переговорить хотелось. В заседании неловко. Там дутые кредиторы из родственников и все на свою руку тянут.

– Ой, врешь!

– Денно и ночью для вас стараюсь... Вот уж верный-то раб!.. А вы все ничему не верите. То есть, кажется, собаку за такую службу и то ласкают, а вы...

– В каком же положении дело? Что конкурс?

– Мое воображение так, что и по двугривенному за рубль не очистится.

Старик покачал головой и прибавил:

– Ну, иди в лавку.

Костя переминался.

– Хотел у вас денег попросить... – начал он.

– Давно ли я тебе дал пятнадцать рублей!

– Одиннадцать рублей за сапоги заплатил. Четыре рубля туда-сюда ушло. Вы дайте уж мне пятьдесят рублей. Я целый месяц не буду просить.

– Что-о? – протянул старик и закашлялся. – Да ты никак с ума сошел! Пятьдесят рублей!

Портному за тебя только что заплатили, а ты...

– Перчатки требуются-с, галстух... Надо тоже быть чисто одевшись... Часы почистить следует... теплые калоши...

– На вот десять рублей... И уж больше у меня чтобы не просить в этом месяце!

Старик полез в карман халата, вынул оттуда денег, отделил десятирублевку и подал Косте. Костя взял, поклонился и вышел из спальни.

– Ну, какие это деньги! – вертел он бумажку в руках и горько улыбался. – На одну бутылку шампанского тут только да слуге на чай. Эх, жизнь! Около богатого дяди живешь, а насчет денег бьешься как рыба об лед! Да что рыба! Хуже.

Костя отправился в лавку, переговорил со старшим приказчиком и занял у него шестьдесят рублей. Ему нужно было сегодня же заплатить долг кассиру «Увеселительного зала». Он просил сто рублей, но приказчик не дал.

«Ведь ворует, шельма, около кассы, положительно ворует, а со мной делиться не хочет, – думал Костя. – Надо будет с ним как-нибудь решительно переговорить, наступить на него, сказать ему, что я вижу его хапунцы, отлично вижу, и что ежели он хочет, чтобы все было шито и крыто, то пусть делится со мной, иначе я скажу старику. Ведь поймать-то его, мерзавца, на хапунцах не могу – вот в чем мое горе! Хитер, шельма!» – прибавил он мысленно.

Часу в третьем дня в лавку явился Шлимович. Костя сидел в верхней лавке, когда лавочный мальчик привел Шлимовича к нему. Шлимович был, как и всегда, одет франтом, в дорогом меховом пальто с седым бобровым воротником и в таковой же бобровой шапке. На указательном пальце правой руки и в галстук сияли крупные бриллианты. От него так и несло крепкими английскими духами. При приходе Шлимовича Костя сконфузился, засуетился, стал ему предлагать садиться.

– Чаю не хотите ли? Здесь уж у нас угощение лавочное. Я сейчас пошлю за чаем. Прикажете? – предлагал он.

– Нет, нет. Ничего не надо. Вот только папироску закурю, – отвечал Шлимович.

Шлимович был осторожен. Он сел на стул, осмотрелся по сторонам и тихо спросил:

– Здесь можно говорить не стесняясь? Никто не услышит?

– Никто, никто. Говорите. Я в верхней лавке один. Ну, как наши дела?

Шлимович опять осмотрелся по сторонам, сделал свою обычную гримасу, искривил рот, почесал указательным пальцем с перстнем пробритый подбородок и отвечал:

– Дела как сажа бела. Знаете что... Я вам даже не могу рекомендовать и таких торговцев, которые могли бы вам поверить под вексель меховую ротонду и бриллианты...

– А денег? – спросил Костя.

– Денег уж и подавно ни под каким видом. Все сжались. Нынче время такое. Ужасное время. Бескорыстную любовь легче под вексель найти, чем денег, – шутил Шлимович.

Костя побледнел. Нижняя губа его затряслась.

– Как же это так? Но вы обещали... Вы обещали ежели не денег, то товаром... Мне нужно ротонду... Мне нужно брошку... Вы слово дали... Мы ударили по рукам и даже запивали все это, – растерянно говорил он. – Я уже обещал Надежде Ларионовне. Она ждет... Ждет с нетерпением. Господи! Что же это такое!

– Успокойтесь, успокойтесь, молодой человек, – усмехнулся Шлимович. – Ротонда и бриллиантовая брошка у Надежды Ларионовны могут быть завтра же, надо только вам согласиться несколько на иную комбинацию.

– На какую? Я на все согласен! Ротонда мне нужна до зарезу! – воскликнул Костя. – Говорите, что такое?

– А согласны, так, стало быть, и разговаривать нечего. Завтра же повезете ротонду Надежде Ларионовне.

– Но что же я должен сделать?

Шлимович опять сгримасничал и опять почесал пальцем подбородок.

– Мехового торговца и бриллианщика я вам рекомендовать не могу, но могу свести с одним торговцем, который даст вам под вексель роялей и музыкальных инструментов. – Как роялей? Как музыкальных инструментов? Помилуйте! Да на кой черт мне музыкальные инструменты! – возвысил голос Костя, чуть не плача.

– Те-те-те... Остановитесь... Не раздражайтесь... – остановил его Шлимович. – Музыкальные инструменты всегда можно продать, и я берусь это вам устроить. Вам ведь деньги нужны.

– Конечно же... – проговорил Костя.

– Ну вот... Я и устрою.

– Голубчик, Адольф Васильевич, устройте.

Костя схватил Шлимовича за руку и спросил:

– Когда это можно все сделать?

– Чем скорее, тем лучше. Если вы имеете теперь свободное время, то едьте сейчас к этому человеку, который торгует музыкальными инструментами.

– Так едьте, Адольф Васильич, едьте! – засуетился Костя. – Я сейчас... Я только скажу старшему приказчику, что мне надо отлучиться.

Через десять минут Костя и Шлимович ехали на извозчике.

Глава XI

Шлимович привез Костю Бережкова в Среднюю Подьяческую. Они остановились у ворот облупившегося дома и вошли во двор. Двор был грязный, скользкий. Поднявшись по полутемной лестнице в третий этаж, позвонились в колокольчик. Дверь открыла растрепанная, но молодая черноглазая еврейка.

– Пан Шлимович! – воскликнула она и заговорила что-то на еврейском жаргоне.

– Скажите Тугендбергу, что я с покупателем приехал, – отвечал Шлимович по-русски и стал снимать с себя пальто, вешая его на вешалку.

То же сделал и Костя. В квартире пахло луком, чесноком и тем особенным специфическим запахом, которым отдает от грязных евреев. Вскоре в другой комнате послышался картавый мужской голос, говорящий тоже на еврейском жаргоне; дверь в прихожую распахнулась, и на пороге предстал гладко стриженный еврей с окладистой бородой, одетый в стоптанные туфли и старое порыжелое пальто, у которого не хватало несколько пуговиц.

– Я, Тугендберг, к вам с покупателем... – начал Шлимович. – Вот Константин Павлыч Бережков желает купить у вас музыкальных инструментов.

– Прошу, господин, прошу. Позвольте рекомендоваться: Соломон Борисыч Тугендберг, купец, – обратился он к Косте, расшаркиваясь, подал Косте и Шлимовичу руку и ввел их в большую комнату.

В комнате стояли два рояля, пианино, старое фортепиано, три контрабаса, на роялях лежали скрипки в чехлах и без чехлов, лежали трубы. Тут же на одном из роялей помещались два серебряных ведра-ледника для шампанского, на подоконниках и на столах стояло несколько бронзовых часов, несколько таких же канделябров хорошей, чеканной работы, а из угла выглядывало чучело громадного медведя на задних ногах и с подносом в передних.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил еврей, указывая на диван. – Папироску не хотите ли? – предложил он, вынул из кармана пальто серебряный портсигар, открыл его и положил на стол, рядом со спичечницей.

Все сели, Тугендберг заговорил что-то на еврейском жаргоне, обращаясь к Шлимовичу, но тот отвечал ему по-немецки. Шлимович, хоть и знал жаргон, но как «цивилизованный» еврей, говорить на нем гнушался.

– Ну вот, Константин Павлыч, выбирайте, что вам надо, – сказал наконец Шлимович Косте. – Тугендберг согласен вам продать инструменты в кредит. Вот рояли, вот пианино, вот скрипки и контрабасы.

Костя был как на иголках.

– Почему этот рояль? – кивнул он на ближайший инструмент.

– О, у меня дешево, господин Бережков! – отвечал Тугендберг, подсказывая к роялям и открывая их. – Вот этот четыреста, а тот семьсот рублей, а ежели возьмете оба, то можно и за тысячу рублей отдать.

Костя подошел к роялям и для порядка провел по их клавишам пальцем.

– Это дорого, – сказал он. – Рояли подержанные.

– Два месяца... Какой-нибудь двух месяцев от фабрикант, – заговорил Тугендберг. – Этово рояль только разговор один, что подержанный. Тон первого сорт. Господин Рубинштейн играть будет и тот скажет, что хорошево рояль.

– Вы, Тугендберг, с Бережкова дорого не берите, – сказал Шлимович.

– Я дорого? Пфуй! Мне только хочется услужить для господин Бережков. За такова рояль у фабрикант нужно дать тысяча рублей, а я за два прошу тысяча рублей.

– Пианино тоже возьму, – проговорил Костя, подходя к пианино и открывая крышку.

– Пианино триста пятьдесят. Берите уж и фортепьяны. Двести. Ну, даже вот как: я за все возьму один тысяча пятьсот.

– Мне этого мало. Больше у вас роялев нет?

– Теперь больше нет, господин Бережков. Вы возьмите скрипки и контрабас.

– А почему контрабас?

– За пара эти контрабас я могу взять триста.

– О, это дорого. Очень дорого.

– К два контрабас я дам вам еще хороший труба, – махнул Тугендберг рукой. – Очень хороший труба.

Костя подумал и робко произнес:

– Нет, вы вот что... Вы за все, что я выбрал и вместе контрабасами и с трубой, возьмите полторы тысячи.

– Нельзя, господин Бережков, – развел руками еврей.

– Уступите, – стоял на своем Костя. – Адольф Васильич, скажите ему, чтобы уступил, – обратился он к Шлимовичу.

Тот пожал плечами и пробормотал:

– Я только комиссионер, только комиссионер... Торгуйтесь сами.

Тугендберг подошел к Косте и тронул его по плечу.

– Очень мне ваше лицо нравится. Такой хороший приятное лицо... Извольте, я вам уступлю сто рублей. За все тысяча семьсот... И уж больше ни копейки... – произнес он. – Ну хорошо, – согласился Костя. – Только этого мне мало. Я рассчитывал так, чтоб купить тысячи на две.

– Тогда возьмите скрипка. Хорошево есть скрипка. Тальянский мастер. Вот скрипка... Первый сорт... И всего двести рублей. Тут ящик пятьдесят рублей стоит. Хороший ящик. А это скрипка сто рублей. За все два тысяча...

Костя подумал и заискивающе спросил:

– Вы мне не дадите ли ко всему этому деньгами пятьсот рублей? И на все вексель на шесть месяцев. Мне очень нужны деньги.

– Пфуй! Какие деньги!

Тугендберг пожал плечами и сделал гримасу.

– Отчего же?... Ведь вы, я думаю, даете деньги займы...

– Только под залог, только под залог – и то сама малость.

– Ну, триста дайте... Мне до зарезу нужны деньги.

– Нет, господин Бережков, не могу, никак не могу.

– Дайте хоть двести. Мне вечером сегодня нужно, а где я теперь достану!

Шлимович заговорил с Тугендбергом по-немецки. Костя смотрел то на одного, то на другого. Наконец Тугендберг махнул рукой и сказал:

– Извольте. Сто рублей дам. И то за то, что мне ваше приятное лицо нравится.

– Берите, – кивнул Шлимович.

– Ну, я согласен, – отвечал Костя, но спохватился и побежал к Шлимовичу. – Адольф Васильич, подите-ка сюда.

Он отвел Шлимовича в угол.

– Вы все-таки устройте мне, чтобы продать эти инструменты? – задал он ему шепотом вопрос. – Только в таком разе я и могу взять.

– Устрою, устрою. Берите. Но знайте, что без потерь продать нельзя. Потери будут, – тоже шепотом отвечал Шлимович.

– Я согласен, – повторил Костя и протянул Тугендбергу руку.

Тот хлопнул по ней по-барышнически, как это делают барышники при продаже лошадей, то есть со всего размаха, и прибавил:

– А проценты за вексель вы знаете? Четыре процента в месяц.

– Три, три... Я уже сказал ему, что три, – остановил Тугендберга Шлимович. – Зачем Константина Павловича обижать? Он человек хороший.

– Дешево... Ох, как дешево! Завсем даром... – сделал обезьянью ужимку Тугендберг, прищурившись и покрутя головой. – Ну, да уж за тово, что мне ваш лицо нравится. А пока мы будем писать вексель, вы не хотите ли чаю? Герр Шлимович! – И он заговорил с ним на еврейском жаргоне. – Давайте, давайте... – отвечал Шлимович по-русски.

– Есть и хорошево коньяку. Ривке! – крикнул Тугендберг, заглянув в прихожую, и на жаргоне стал что-то приказывать прислуге.

Через несколько времени появились вексельная бумага, перо и чернильница.

– Еще одно условие, – сказал Костя. – Сразу мне отдать будет трудно, сразу у меня никогда не бывает по многу денег, а потому я прошу всю сумму рассрочить на четыре векселя: один вексель на пять месяцев, другой – на пять с половиной, третий – на шесть и четвертый – на семь.

– Пфуй! Боже мой, какой аккуратный человек! – растопырил пальцы своих рук Тугендберг и опять заговорил с Шлимовичем на жаргоне.

– Можно? – спросил Костя.

– Можно, можно, – отвечал Шлимович.

– Можно, – прибавил Тугендберг. – Но только процентов за семь месяцы.

– За что же за семь-то? Ведь два векселя будут на пять и пять с половиной месяцев. Вы уж не грабьте.

Опять Тугендберг заговорил на жаргоне. Шлимович отвечал по-немецки.

– Хорошо, хорошо... – сказал он наконец Косте. – За шесть месяцев будет он считать проценты.

Приступили к писанию векселей.

– А когда же вы вашево инструменты возьмете? – спросил Тугендберг.

Костя взглянул на Шлимовича.

– Завтра, завтра. Завтра мы пришлем носильщиков или сами приедем с носильщиками, – отвечал тот.

Векселей было написано на сумму две тысячи четыреста семьдесят восемь рублей. Так пришлось с причисленными к сумме долга процентами. Тугендберг положил на стол сто рублей и записку, что продал такие-то и такие-то музыкальные инструменты.

– Ну, а теперь чайку... – сказал он. – Ривке!

Показалась растрепанная еврейка, отворявшая дверь Косте и Шлимовичу. Она внесла три стакана чаю и графинчик коньяку. Костя из учтивости попробовал пить чай, но чай пахнул рыбой. Он брезговал и оставил.

– Ну, давайте же, я подпишу векселя, – сказал он.

– Пишите, пишите... – засуетился Тугендберг. – Но вы знаете как?

– Купеческий племянник такой-то.

– Пфуй!.. Купец... Пишите: купец.

– Как же я буду писать купец, ежели я не купец!

Тугендберг улыбнулся и сказал:

– Так надо.

– Но ведь это подлог.

– Фуй! Какой же тут подлог? Вы будете купец. Потом будете.

– Видите, в чем дело: Тугендберг хочет, чтобы вы подписались так для того, чтобы уплата была верная. Тут маленькая фальшь будет, а уж фальшь вы всегда постараетесь выкупить.

– Нет, я так не подпишу, – решительно сказал Костя. Шлимович заговорил опять с Тугендбергом по-немецки. Тот отвечал на еврейском жаргоне. Долго спорили. Костя смотрел и ничего не понимал. Наконец Шлимович сказал Косте:

– Ну, подписывайтесь, как следует.

Костя подписал.

Через десять минут они сходили с лестницы. В кармане у Кости была расписка на купленный у Тугендберга товар и сто рублей денег.

Глава XII

– Адольф Васильич, голубчик, устройте как-нибудь, чтобы мне было можно сегодня же продать кому-нибудь рояли и контрабасы! – упрашивал Костя Бережков Шлимовича, когда они сходили с лестницы от Тугендберга. – Мне ужасно нужны деньги.

– Сегодня? Гм... – крякнул Шлимович и задумался. – Отчего непременно сегодня? У меня дела есть. Кроме вашего дела, надо в два места. Наконец, должен же я подыскать покупателя, – прибавил он после некоторой паузы. – И не все ли равно вам завтра?

– Ах, нет, нет... Вы знаете Надю... Я ей обещал ротонду. Она ждет. Женщины – ужасный народ, а она вообще капризна. Уж ежели что захочет поставить на своем, то ей вынь да положь. Она мне покою не дает насчет этой ротонды. Насчет ротонды и бриллиантовой брошки... Вы ведь сами слышали, что она говорила вчера на тройке и за ужином. Я из-за этого только и рояли эти проклятые купил, чтобы как-нибудь продать их и поскорей достать ротонду. Брошку можно и завтра, а сегодня ротонду...

Шлимович остановился и в раздумье скоблил пальцем подбородок.

– Будьте другом, устройте как-нибудь сегодня, – продолжал Костя. – Возьмите хоть двойные комиссионные, но только как-нибудь устройте. Когда понадобится, я сам вам услужу, чем могу. Все брошу, а вам услужу. Пожалуйста.

– Вот видите... Купить ротонду я вам, пожалуй, устройю сегодня, – начал Шлимович. – Я попробую, нельзя ли будет вам сменяться... У меня есть один портной знакомый...

Он, собственно, портной мужской, но у него есть и дамские меховые вещи. Он человек семейный и проговаривался тут как-то, что ищет рояль для себя, так вот надо попробовать, не захочет ли он сменяться на ротонду. Конечно, если он согласится, то инструменты придется уступить дешево и с убытком, потому что портной этот – человек экономный и ищет купить рояль по случаю, чтобы было недорого.

– Уступлю, Адольф Васильич, уступлю! – воскликнул Костя. – Только устройте! Тогда бы я эту ротонду захватил и сегодня же вечером свез ее к Наде, туда... в «Увеселительный зал»... Пусть бы уж она утешилась.

– Пожалуй... Поедемте... Попробуемте...

– Голубчик... Идемте... Идемте хоть на край света. Похлопочите... Кроме процентов за хлопоты, угощение за мной.

Они сели в санки.

– О, любовь, любовь, что ты делаешь! – улыбнулся Шлимович.

– Капризна уж очень Надя-то, избалована. К тому же она имеет теперь такой успех на сцене. Да и вообще женщины... Вы сами живете с женщиной, так уж должны знать и понимать. Только бы ротонду сегодня, а уж брошку можно завтра.

– На Гороховую! – скомандовал извозчику Шлимович и, обращаясь к Косте, прибавил: – Завтра, пожалуй, я вам и бриллианщика рекомендую. Может быть, и он сменяет вам брошку на музыкальные инструменты.

– А разве и бриллианщик ищет себе рояль? – удивленно спросил Костя.

– Не то чтобы он искал, а он торговец... Вообще у него покупка и продажа... Он всем торгует. Главное его занятие – бриллианты, но он покупает и продает и другие вещи. Он купит, ежели не подорожаетесь. Разумеется, уж без потерь нельзя.

– Кто же говорит, чтобы без потерь!

– Только предупреждаю: он любит, чтобы очень дешево. Разумеется, ему не для себя. Он должен продать и сам нажать.

Костя вздохнул и покрутил головой.

– За бесценок-то уже мне все-таки не хотелось бы отдать... – сказал он.

Шлимович крякнул и продолжал:

– В крайнем случае, ежели нам не удастся по сходной цене сбыть музыкальные инструменты, то мы можем их заложить кому-нибудь. За две трети цены их всегда примут в залог.

– Ох, этого бы мне не хотелось! – отвечал Костя. – И сколько же я тогда получу на руки денег, если за две трети цены?... За две тысячи купил, за тысячу триста закладывай.

– Нет, ведь я говорю про крайний случай. В крайнем случае даже тот же Тугендберг, у которого вы сейчас купили инструменты, оставит их у себя в залоге и выдаст под них деньги. Само собой, только за проценты.

– Тугендберг? – удивился Костя.

– Что же тут удивительного? Ведь он закладчик и дает деньги под залог, так не все ли ему равно, какой залог... Ведь все эти инструменты по залогу ему остались.

– Нет, Адольф Васильич, вы уж лучше продайте мне инструменты. Продал, получил деньги, и с плеч долой. А тут плати опять проценты, заботься, чтобы выкупить, и, в конце концов, опять продавать надо. Нет, нет.

Они подъехали к магазину с зеркальными стеклами в окнах. На вывеске были изображены золотые ножницы и золотыми буквами было выведено: «Портной Кургуз». В магазине за

прилавком стоял толстый пожилой еврей, с подстриженной бородой, в серой жакетке, с сантиметром на шее, и мелил мелом драп, делая выкройку и приготавливаясь к кройке.

– А! Адольф Васильич! – кивнул портной головой при входе Шлимовича.

– Здравствуйте, Исай Борисыч, – отвечал тот. – Покупателя к вам привел. Вот познакомьтесь: коммерсант Константин Павлович Бережков, – отрекомендовал он Костю и, указывая на портного, сказал: – Маршан-тальор Исай Борисыч Кургуз. У вас, Исай Борисыч, есть меховые женские ротонды на лисьем меху, а молодому человеку вот именно требуется такая ротонда, так продайте ему.

– С удовольствием, с удовольствием. Покупателю всегда рады, – заговорил Кургуз с легким еврейским акцентом. Шлимович поманил Кургуза к себе, отвел его из-за прилавка в сторону и заговорил с ним по-немецки.

Разговаривали они довольно долго. В немецком говоре еврейский акцент Кургуза был еще больше слышен. Кургуз размахивал руками, косился на Костю и чесал затылок.

– Я вот насчет мены его уговариваю, – обернулся Шлимович к Косте.

– Подешевле рояль уступите, так можно сменяться на ротонду, – сказал Кургуз.

– Уступайте вы подешевле, и я не подорожусь. А уж какая у меня ротонда есть, так хоть самой богатейшей русской купчихе носить! Лисицы такие, что чуть не лают. Вот посмотрите-ка, – пригласил он Костю в другую комнату.

Там висели три ротонды на лисьем меху, две крытые бархатом и одна шелковым репсом.

– Мой товар – первый сорт. Не знаю, какой ваш товар будет, – продолжал он, усмехнулся и прибавил: – Ну, показывайте ваш товар. Где же ваш товар?

– Съездите и посмотрите. От вас недалеко, – отвечал Костя.

– А отчего же вы свой товар сюда не привезли?

Вместо ответа Костя только усмехнулся.

– Надо съездить и посмотреть, надо. Не смотря ничего не покупается, – говорил Кургуз. – Не знаю только, сойдется ли вы в цене на мой товар. Вот эта ротонда стоит восемьсот рублей. Посмотрите мех и бархат... Бархат лионский. Вот эта шестьсот. А вот эту можно и за пятьсот продать.

– Нет, уж я хочу взять хорошую. Только вы уступите.

– Вы уступите.

– Пойдемте и посмотрим те рояли. Вот Адольф Васильевич знает, что рояли хорошие. Идемте сейчас.

– Времени-то мне сейчас нет. Ну, да уж только разве для вас, потому вы молодой человек такой хороший и сразу мне понравились. Хочется на вас самих платье шить. Я вас так одену, как картинку. Ну что на вас за платье! Разве это платье? Разве оно так должно сидеть? У кого вы заказываете?

– Это у Корпуса куплено.

– Ну, что Корпус! Вы мне заказывайте.

– Хорошо, хорошо. Поедемте же и посмотримте инструменты.

– Да зачем вам самим ездить? Я с Адольфом Васильичем съезжу и посмотрю, а вы здесь у меня посидите. Хотите пивца выпить, я вам сейчас пива бутылку дам. Сидите, пейте и курите, а мы съездим, – суетился Кургуз, надевая на себя дорогую ильковую шубу и соболью шапку. – Розенберг! – крикнул он в другую комнату приказчику. – Угостите господина... Как имя-отчество?

– Константин Павлыч.

– Угостите Константина Павловича пивом... Так подождете нас?

– Подожду, подожду, – согласился Костя.

– Ну, а мы сейчас! Садитесь и рассматривайте модные картинки. Розенберг! Последние фасоны покажите! Картинки мод. До свидания, Константин Павлыч, – протянул Кургуз Косте руку и вышел с Шлимовичем из магазина.

Уходя, они заговорили по-немецки.

Глава XIII

Через полчаса Кургуз и Шлимович вернулись в магазин. – Видел я ваш товар, видел, – заговорил Кургуз, обращаясь к Косте. – Товар неважный. Рояли совсем плохи и расстроены.

– Как «товар неважный»? Как «рояли расстроены»? – удивленно спросил Костя. – Я только сейчас был там и пробовал их.

– А вы на фортепьянах хорошо играете? Музыка знаете? Там даже клавиши не все действуют, как следует, и ежели эти рояли привести в порядок, то фортепьянщик меньше ста рублей не возьмет.

Костя вопросительно взглянул на Шлимовича. Шлимович улыбнулся и отвечал:

– Слушайте его, слушайте. Он, понятное дело, покупатель и делает критику вашего товара. Неужто вы этого не понимаете? Он на ваш товар делает критику, а вы делаете на его. Ну какой это бархат на ротонде? Разве это бархат?

Это гробовой плис, вот что на гробы ставят.

– Ну, ну, ну... У самой богатой купчихи лучше этого бархата не бывает. Из-за этого бархата, Константин Павлыч, все подруги вашей мадам в кровь себя от зависти расцарапают, – расхваливал Кургуз ротонду. – Ну, что же, которую ротонду выбрали?

– Да вот эту, которая лучшая, – указал Костя.

– Тысяча рублей ей цена, если бы не Адольф Васильич привел покупателя. Побей бог, дешевле не уступил бы, а с вас только восемьсот.

– Нет, нет. Вы из восьмисот что-нибудь уступите.

– Копейки не могу уступить. Уверяю, что только для вас такую цену беру. Очень уж хорошо Адольф Васильич вас рекомендует. Ни для кого другого я не оторвался бы от дела и не поехал бы ваши рояли смотреть. Ведь вот спешная работа, к сроку, кроить надо, а я бросил все и поехал, – тараторил Кургуз и спросил: – А во что вы ваши рояли цените?

– Да я за оба заплатил тысячу рублей...

– Ой, ой, какая цена! Ужас, ужас!

Костя опять бросил вопросительный взгляд на Шлимовича.

– Слушайте вы его! – улыбнулся тот. – Рояли совсем малодержанные, а новые-то вы знаете ли, что стоят?

– Заплатил за оба рояля тысячу рублей, но один из них, который орехового дерева, стоит шестьсот рублей, а черного – четыреста. Вы который возьмете?

– Оба, оба... Пускай уж... Все равно... – махнул рукой Кургуз. – Один рояль себе, а другой уступлю зятю. Ему тоже нужен рояль. Только уж вы подешевле...

– Девятьсот пятьдесят я с вас за оба рояля возьму, – отвечал Костя.

– Что вы говорите? – протянул Кургуз, прищурившись.

– Девятьсот пятьдесят. Вы мне дадите вот эту ротонду и сто пятьдесят рублей деньгами.

– Пфуй, пфуй, пфуй! – покачал головой Кургуз. – Да разве это можно? Вы мне должны за ротонду к роялям сто пятьдесят рублей приплатить.

– Нет, так нельзя. Адольф Васильич, что же это такое? Ведь это...

Шлимович пожал плечами и заговорил с Кургузом по-немецки.

– А платье заказывать будете? – спросил наконец Костю Кургуз.

– Буду, буду. Мне все равно, у кого ни заказывать.

– Дайте расписку, что в течение трех лет будете заказывать каждый год не меньше как на триста рублей, а ежели не закажете, то пятьдесят рублей штрафа в год.

– Это зачем же расписку-то?

– А чтобы вернее было. Тогда я вам уступлю вот эту ротонду за два рояля без приплаты. Вы мне два рояля, я вам ротонду...

– Нет, нет, это невозможно. И рояли за восемьсот рублей, и расписку какую-то... Да и ротонда эта восьмисот рублей не стоит. Я цены мехам знаю.

– Ну, как хотите. Тогда разойдемся. Очень вы прекрасный человек, Константин Павлыч, очень вы мне нравитесь, но разойдемся. Будем знакомы, с хорошим человеком приятно быть знакомым, а насчет гешефта разойдемся.

Костя был в беспокойстве и все посматривал на Шлимовича. Тот старался избегать его взгляда и, покуривая папиросу, все отвертывался.

– Ну, сто рублей я вам скину за рояли и, пожалуй, согласен на вашу цену за ротонду, а уж больше ничего не могу... – произнес наконец Костя.

– Не могу торговаться, не могу, – отвечал Кургуз. – Будем большими друзьями. Заходите ко мне, когда идете мимо, пива попить и папироску покурить, а насчет такой гешефт – ах, оставьте.

Костя отвел Шлимовича в сторону и стал шептаться. Тот пожал плечами и по привычке поскоблил пальцем подбородок. – Мое дело – сторона. Я комиссионер – и ничего больше, – отвечал он шепотом и прибавил: – Одно скажу:

без потерь нельзя.

– Да ведь я и то уступаю ему сто рублей. Уговорите его как-нибудь. Вы комиссионер, так и уговорите.

Шлимович заговорил с Кургузом по-немецки. Говорили долго.

– Ротонду и пятьдесят рублей дает вам Исай Борисыч за ваши рояли, – обернулся наконец к Косте Шлимович.

– Я вам пятьдесят рублей, а вы мне записку, что три года будете заказывать у меня платье, – подскочил Кургуз. – Да зачем это? Зачем записку – вот я чего не понимаю, – сказал Костя.

– Только для того, чтобы не потерять приятного знакомства. Не дадите записки – забудете меня.

– Странно это как-то. Для того, чтобы быть знакомым, брать записку!

– Только на триста рублей! Только на триста рублей! Неужели вы не заказываете себе платья на триста рублей в год!

Такой молодой франт, такой красивый мужчина – ай, ай!

– Да ведь это значит связать себя.

– Зачем связать? Никогда связать... Просто для хорошего знакомства. Я живу хорошо. У меня дочери молоденькие, племянницы молоденькие. Бывают вечера, по вечерам танцы, и мне очень приятно видеть, когда хорошие молодые кавалеры танцуют с моими дочерьми. Вот мое рождение будет, будут гости – вот и приходите. Я билет пришло.

– Спасибо. Я и без расписки приду.

– Без расписки забудете. Вы большой человек, богатый наследник, а я человек маленький, – ну, и забудете.

Костя улыбнулся.

– В первый раз слышу, чтобы знакомство по расписке... – сказал он.

– А это на американский манер. В Америке все так. Как увидят хорошего кавалера из аристократической торговой фирмы – сейчас расписка! Не понимаю, чего вы боитесь этого расписка. Для самого себя вам мое платье не понравится – можете рекомендовать товарища. У вас большая фирма, столько приказчиков – можете приказчиков рекомендовать, – старался объяснить Кургуз. – И у меня много таких записок. Есть одна записка от гвардейский офицер. Потом один хороший купеческий сын из москательной фирмы дал такую записку. – Кургуз наклонился и прошептал: – Дал даже один статский генерал. Хотите, покажу?

– Не надо, не надо, – ответил Костя, взглянул на Шлимовича и спросил: – Адольф Васильевич, как тут быть?

– Да давайте, давайте. Ведь записка эта вас нисколько не стеснит. Неужели в год не можете ему рекомендовать давальцев на триста рублей? Ведь это такие пустяки.

– Ну, хорошо. Я согласен, дам записку, но только чтобы мне в придачу к ротонде сто рублей...

– Ах, какой экономный человек! – воскликнул Кургуз. – Вот уж сейчас видно, что купец. Ну хорошо, хорошо. Я вам в придачу к моему товару сто рублей, вы в придачу к своему – записку – и берите ротонду. Пусть ваша мадам щеголяет и Исай Борисыча вспоминает.

Он махнул рукой, хлопнул Костю по ладони и прибавил:

– Садитесь и пишите записку.

– Давайте бумаги и перо и диктуйте, что писать, – отвечал Костя, радостно улыбаясь, что, наконец, приобрел хорошую ротонду и может ею утешить сегодня Надежду Ларионовну.

Он подсел к прилавку. Кургуз придвинул к нему письменные принадлежности.

Глава XIV

Веселый и торжествующий уходил Костя Бережков от портного Кургуза после того, как он сменял рояли на меховую ротонду. Он чуть не прыгал от радости, что наконец-то сегодня вечером он поднесет Надежде Ларионовне ротонду и та, утешившись подарком, переменит гнев на милость и будет к нему расположена по-прежнему.

– За ротондой я эдак часу в десятом вечера заеду, – сказал он, прощаясь с Кургузом.

– Хорошо, хорошо, – отвечал тот, улыбаясь. – Чем чаще вы будете навещать мой магазин, тем мне будет приятнее.

Шлимович сопровождал Костю. Когда они вышли на улицу, было уже темно. Горели уже фонари. Костя схватил Шлимовича за руку и с жаром проговорил:

– Очень и очень вам благодарен за ваши хлопоты, Адольф Васильич! Через ваши хлопоты я теперь совсем другим человеком стал. А то ведь, верите, ходил как кикимора, повеся нос. Надя пристаёт: «Купи ротонду», а в деньгах переमेжка. Занять не знаешь где. Да и не умею я как-то в долг брать. Другие вон как умеют! А я не умею. Нигде никогда не занимал.

Шлимович взглянул на часы.

– Скоро шесть часов! Целый день я с вами сегодня провозился, – сказал он. – Были спешные дела, а я ни на биржу, никуда не успел.

– Отплачу, Адольф Васильич, отплачу. Ведь вот вам надо комиссионные.

– Да, я попросил бы вас сегодня. Ведь уж это так заведено.

– Извольте, извольте. В трактир зайдем, что ли? Хотите в «Малом Ярославце» пообедать? Впрочем, мне нужно на минутку показаться в лавку и узнать, что там делается. Заедем вместе и потом сейчас в трактир обедать.

– Зачем же в трактир? Меня Лизавета Николаевна дома ждет к обеду. Я уж и так опоздал. Она ведь также стоит вашей Надежды Ларионовны и сердитая-пресердитая. В лавку вашу заедем и потом ко мне. Там со мной и рассчитаетесь.

– Ох уж эти женщины! – вздохнул Костя. – Но мне, Адольф Васильич, хотелось вас угостить.

– Потом угостите. Разве в последний раз видимся? Поедемте ко мне.

– Ну, пожалуй, едемте. В лавку, а потом к вам.

Они заехали в лавку.

– С дяденькой вашим Евграфом Митричем худо, – сказали Косте приказчики. – Они даже присылали за вами Настасью Ильинишну, но мы сказали, что вы уехавши.

– Да ведь уж с ним сколько дней худо, – отвечал Костя, несколько опешивши, и поморщился. – Вы Настасье-то все-таки объявили, что я по делу уехал?

– Сказать-то сказали, но ведь вы знаете Настасью Ильинишну. Женщина язвительная... Наскажут и не ведь что.

Обеспокоят дяденьку. Они тут в лавке с полчаса вас дожидались, – прибавил старший приказчик.

– Странное дело... Но ведь я по поставкам ездил, в казенные места ездил. – Костя прошелся по лавке и сказал:

– Так я поеду сейчас к нему... В случае чего, так уж вы не дожидайтесь меня и запирайте лавку. Может быть, я и не вернусь.

Он вышел из лавки. Немножко поодаль, в санях его ждал Шлимович.

– С дядей плохо. Присылал за мной в лавку из дома, – объявил Костя Шлимовичу. – Я уж, Адольф Васильич, к вам на минуточку.

– Не задержу, не задержу. В полчаса пообедаем и все дело сделаем.

Они поехали.

– Очень болен ваш дядя? – спросил Шлимович Костю.

– Да как же, помилуйте!.. Не лежит, не ходит... Только сидит. У него водянка. А только болен, болен, да уж и привередлив! Весь дом смучил. Не знаю, что с ним такое теперь стряслось. Сегодня поутру ему было легче, а вот теперь присылает.

– Может быть, уже развязка.

– Не знаю. Но доктора сказывают, что он в таком положении может долго прожить.

– Духовное завещание есть?

– Кто ж его знает! То говорит, что есть, то говорит, что нет, а верного никто ничего не знает. Дама сердца у него есть, старинная, из горничных она, у нас же когда-то служила, и вот у ней есть дочь от него, так вот эта дама уж как его обхаживает насчет духовной, чтоб показал ей, но не показывает. «Будь, – говорит, – спокойна, обижена не будешь», а показывать не показывает. Та уж и дочь подсылала – никакого толку. Мне тоже толкует: «Береги лавку, свое бережешь». Старшему приказчику – тот же манер... А настоящего ничего не известно.

Они приехали к Шлимовичу. Шлимович занимал небольшую, но хорошо меблированную квартиру. Среди мебели была дорогая бронза, были недурные картины, хорошие вазы, даже старинное оружие. Шлимовича и Костю встретила в передней Лизавета Николаевна.

– Что это, как вы поздно, Адольф Васильич? Жду, жду к обеду и дожидаться не могу, – сказала она, хмурясь, но, увидав Костю, ласково протянула ему руку.

– Да вот целый день по его делам провозился, – кивнул Шлимович на Костю.

– Ну, что же, достал ты ему денег?

– Всего, всего достал. Надежда Ларионовна будет сегодня с ротондой. Куплена уж ей ротонда. Вели поставить третий прибор на стол и пусть подают кушанье, а мне с Константином Павловичем нужно еще кой-какой расчет сделать. Константин Павлыч, пожалуйста в кабинет, – пригласил он Костю.

Кабинет был тоже хорошо меблирован. Мебель дорогая, солидная; книжный шкаф и тяжелые кресла даже с графскими гербами, очевидно приобретенные по случаю. В уголке помещался диван, сделанный из чучела медведя. Костя и Шлимович подсади к письменному столу. Шлимович взял карандаш и придвинул к себе листик бумаги.

– Полтора процента в месяц я беру обыкновенно комиссионных, если достаю кому-нибудь деньги, но тут не деньги, а товар, к тому же мне не хочется вас обижать, а потому я возьму с вас только один процент в месяц, – сказал он. – Товар вы взяли на шесть месяцев – стало быть, шесть процентов. Товару вы купили на две тысячи... С процентами вами выдано векселей больше, чем на две тысячи – ну, да все равно, будем считать шесть процентов с двух тысяч...

Костю покорило.

– Адольф Васильевич, да ведь это ужас что такое! – произнес он.

– Вовсе не ужас. Значит, вы не занимали никогда денег. Повторяю вам, что я беру по полтора и даже по два процента, а это уже с вас только, – спокойно отвечал Шлимович. – Заметьте, кроме того, что я устроил так, что Тугендберг взял с вас самый обыкновенный вексель...

– А то какой же еще берут?

– С двумя бланками – вот настоящий вексель, да еще требуют из предосторожности легкого подлога при подписи, чтобы быть гарантировану в верной уплате в срок. Разве вы не помните, что Тугендберг предлагал вам подписаться на векселе купцом, вместо купеческого племянника? А я устроил так, что вас от этого освободили.

Костя покраснел и тяжело вздохнул.

– Сколько же с меня комиссионных? – спросил он.

– За две тысячи сто двадцать рублей. Вы морщитесь? Ну, хорошо. Я не хочу вас обижать и возьму с вас только сто рублей. Давайте сто рублей. Пусть будет сто рублей, – махнул рукой Шлимович и продолжал: – Ну, да за продажу товара на девятьсот рублей.

– Как? Еще и за продажу? – широко открыл глаза Костя.

– Да как же без этого-то? Ведь вы торговый человек и хорошо должны знать, что комиссионные за все берутся. Мне не хочется вас обижать, но ведь я с вами провозился целый день. За продажу давайте... Ну, давайте хоть двадцать пять рублей. Всего сто двадцать пять.

Костя хотел отдавать, но спохватился.

– Я отдам, Адольф Васильич, но если я вам отдам сейчас, то останусь без денег, а деньги мне нужны до зарезу, – сказал он. – Не можете ли вы подождать эти деньги до продажи вами остальной партии купленного мной товара? – Ну, вот видите, даже и наличных денег не хотите заплатить, а между тем торгуетесь! Ну, давайте расписку без срока, но тогда уж надо будет причесть к ста двадцати пяти рублям проценты... Ну, хоть пять рублей, что ли, чтобы вас не обижать, – сказал Шлимович и прибавил: – Вы не сердитесь, голубчик... Тут дело торговое... Вы сами человек торговый и должны понимать, что деньги должны работать. – Хорошо, хорошо. Давайте, я напишу расписку, – согласился Костя.

– Адольф Васильич! Скоро вы? Ведь суп остынет, – торопила Лизавета Николаевна, заглянув в дверь.

– Сейчас, сейчас...

Костя принялся писать расписку.

Глава XV

Написав расписку в сто тридцать рублей и передав ее Шлимовичу, Костя Бережков начал прощаться с ним.

– Не пушу, не пушу без обеда, – сказал Шлимович. – У меня пообедаете. Ведь вы еще не обедали сегодня.

– Да... Но я уж как-нибудь... Поеду домой. Я уже говорил вам, что с дядей худо и он даже присылал за мной в лавку. Неизвестно, что там такое... Надо посмотреть, – откланивался Костя.

– Однако ведь обедать-то вы должны где-нибудь, так пообедайте у нас. Мы в четверть часа отобедаем. Ну, что вам значит четверть часа? Четверть часа больше, четверть часа меньше.

– Нет, уж позвольте... Вдруг умер старик? Там при нем эта самая его старая любовь Настасья Ильинишна с дочерью... Растащить могут. У старика деньги и под тюфяком, и под подушкой – во всех углах распаханы. Отпустите.

– Не отпустим. Все готово, все на стол подано. Давайте вашу шапку, – заговорила Лизавета Николаевна и вырвала у Кости шапку. – Идемте и садитесь за стол. Мне с вами об Наде поговорить надо.

Она подхватила его под руку и потащила в столовую.

– Пока вы торговались, мы бы уж с супом покончили, – продолжала она. – Вы рассудите только одно: если старик умер, то уж все равно те деньги, которые у него под подушкой, слизнули. Садитесь... – посадила она его к столу.

– А что вы хотели со мной об Наде поговорить? – заинтересовался Костя.

– А вот сейчас... Выпейте водочки перед супом и закусите соленьким. Давайте и я с вами выпью. Вот так...

– Вы о Надюше-то, о Надюше-то... – нетерпеливо говорил Костя.

– Послушайте, так нельзя держать девочку. Ведь вы ее держите почти в черном теле, – начала Лизавета Николаевна. – А между тем посмотрите, какой она успех в театре имеет. Ведь она теперь артистка, совсем артистка.

– Но что же я должен делать, Лизавета Николаевна? Ведь вот я уже купил ей ротонду. Брошку она просит – на днях бриллиантовую брошку ей куплю. Пятьсот рублей я уже ассигновал. Вот только Адольф Васильич поможет мне продать эти проклятые контрабасы и скрипки. Ротонда у ней будет сегодня; брошка – в конце недели.

– Что ротонда! Что брошка! У бедной девочки совсем обстановка не та. Ну, как она живет! Три клетушки, мебель дрянная...

– Недавно я ей в будуар мебель купил, – оправдывался Костя.

– На Апраксином рынке-то... за полтора рубля... какую-то ситцевую мебель. Полноте... Да разве ей то нужно по ее красоте и таланту? Я и не актриса, но посмотрите, в какой обстановке держит меня Адольф Васильич. Бедная девочка пришла сегодня ко мне, взглянула на нашу обстановку и заплакала.

– Ах, она сегодня была у вас? – быстро спросил Костя.

– Была. Она ужасно огорчена. Уж я ее утешала, утешала...

Костя был в замешательстве.

– Лизавета Николаевна... Но я уж не знаю, право, как... Ведь у меня теперь денег нет, – пробормотал он. – Вот достал две тысячи сегодня, да и то товаром. Товар нужно еще продать.

– Знаете, что... Молоденькие женщины об этом не рассуждают. Это вот мы, старушки, можем рассуждать и быть с понятиями, а ей двадцать лет. Я все-таки пожила уже, лет на восемь старше ее, видала виды и понимаю, а ведь она еще совсем дурочка.

- Что же она говорила? – тревожно спросил Костя и перестал есть.
- Хорошенькую квартирку хочет, лошадей...
- Но где же я это все возьму? Вот умрет дядя и оставит мне что-нибудь, тогда...
- Не рассуждают, говорю, об этом молоденькие женщины. Я говорила ей, успокаивала ее, но она рвет и мечет. «А вдруг, – говорит, – его дядя еще три года проживет?»
- Костя теребил салфетку и чуть не плакал.
- Мебель, пожалуй, я берусь вам достать в долг, – проговорил до сих пор молчавший Шлимович.
- Достаньте, Адольф Васильич, будьте другом. А что она, Лизавета Николаевна, вам еще говорила?
- «Не может быть, – говорит, – чтобы он, будучи при таком большом дядином деле, не мог денег доставать».
- Ах, это она и мне поминутно говорит! Но, во-первых, у нас дело совсем небольшое, дядины деньги в домах и в капитале, а во-вторых, делом не я один заправляю, а ко мне цепной пес приставлен – старший приказчик. У него касса, а не у меня. Вот умрет дядя... Жалко, что вы ей не сказали, Лизавета Николаевна, что я ей уже ротонду купил. Прелестная ротонда, крытая бархатом, на черно-буром лисьем меху. Она спит и видит ротонду, и это ее утешило бы. Сегодня вечером, впрочем, я ей преподнесу ротонду... Одно вот только – как мне из дома урваться, если с дядей что-нибудь случилось?
- Костя задумался и поник головой.
- Кушайте макароны-то, Константин Павлыч, кушайте, – сказала Лизавета Николаевна.
- Ах, Лизавета Николаевна, мне и кусок в горло не идет! Что она еще говорила? Дорезывайте уже, говорите.
- Много говорила. У ней был сегодня какой-то антрепренер. Из Харькова или из Киева. Так она рассказывает. Дает ей пятьсот рублей в месяц и зовет ехать с собой. В оперетку зовет. Надя затем и приходила ко мне, чтоб посоветоваться. «Что я, – говорит, – тут в Петербурге получаю?
- Семьдесят пять рублей в месяц. Положим, – говорит, – с будущего месяца за мой успех мне здешний антрепренер обещал сто двадцать пять, но ведь это все не то, что пятьсот». Разумеется, я ее уговаривала остаться в Петербурге, но она хочет ехать.
- Костя вспыхнул и ударил кулаком по столу.
- Никуда я ее не пушу! Ни за что не пушу! – крикнул он.
- Шлимович улыбнулся и молча покачал головой, но Лизавета Николаевна отвечала:
- А как вы ее не пустите? Разве у вас с ней контракт? Вздурит девчонка да и уедет. Она вон какие речи говорит:
- «Что мне, – говорит, – Петербург? В провинции-то люди еще богаче. Там я себе такого медведя найду, что и...»
- Не уйдет она, никуда не уйдет! – горячился Костя.
- Конечно же, если можете ее удержать, то лучше удержать. Ведь вы к ней все-таки привыкли.
- Я без нее жить не могу, – проговорил Костя и слезливо заморгал глазами.
- Но ведь надо все ее прихоти исполнять, – продолжала Лизавета Николаевна. – Я, разумеется, говорила ей, что с милым рай и в шалаше, но она не внимает. Только и толкует, что, мол, пока молода, по тех пор и пожить. У ней такой расчет, кроме того, что здесь она за сто двадцать пять рублей служит, а там будет служить за пятьсот, здесь она в «Увеселительном зале», а ведь это все-таки не настоящий театр, а там она будет в настоящем большом театре.
- Конечно, там более на виду, – проговорил Шлимович. – Настоящая актриса, пятьсот рублей жалованья...
- Карьера... Там ей цена вдвое будет.

– Неустойку даже хочет заплатить здешнему антрепренеру и ехать, – доколачивала Костю Лизавета Николаевна. – Ведь у ней контракт с антрепренером и при этом неустойка.

– Никуда она не поедет, – бормотал Костя дрожащим голосом.

– Ну, то-то... Примите меры. Скажем так, что, может быть, насчет пятисотенного жалованья она, может быть, и привирает, актрисы любят приврать насчет этого, но все-таки она мне говорила, что хочет ехать. Главное, ей интересно, что в настоящий театр.

– Рублей триста в месяц ей можно дать. Я удивляюсь, как антрепренеры до сих пор зевали, – проговорил Шлимович.

Костя молчал и кусал губы.

– Кушайте же жаркое-то. Что ж вы не кушаете? – угощала его Лизавета Николаевна.

– Не могу, Лизавета Николаевна, не могу.

– Ведь больше ничего нет.

– Кусок в горло не лезет. Мерси... И отпустите меня, бога ради, поскорей домой.

– Ну, идите... Бог с вами. Какой вы непоседа!

Встали из-за стола.

– И при дяде надо быть... и при Наде надо существовать... Просто беда... – чуть не плакал Костя.

Шлимович и Лизавета Николаевна вышли его провожать в прихожую.

– Устройте мне, пожалуйста, Адольф Васильич, чтобы поскорее продать остальные-то музыкальные инструменты, – просил Шлимовича Костя.

– Хорошо, хорошо, похлопочу. Ведь надо покупателя найти. Предупреждаю вас, что это нелегко.

– Уж похлопочите как-нибудь. Главное, чтобы поскорее.

– А вот в скорости-то и будет препятствие. Ведь там остались контрабасы и скрипки. Струнные инструменты труднее пристроить, чем рояли. Да и рояли-то, так случилось, что я вспомнил, что портному Кургузу нужен был рояль...

– Хоть уступки побольше, но только бы скорей продать. Деньги нужны ужасно.

– Не скрою от вас, что потерять придется довольно, но все-таки нужно время, чтобы продать.

– Ну, я в надежде. Прощайте.

Костя надел пальто и хотел уходить. Шлимович остановил его.

– Постойте. На пару слов... Если вы хотите, чтобы скоро реализовать товар в деньги, то мой совет вот какой... Я уже раньше говорил вам об этом... Заложите эти инструменты у того же Тугендберга, у которого вы их купили. Тут и без хлопот, и все можно завтра устроить. Это я берусь сделать. Там на тысячу рублей товару осталось? Шестьсот, семьсот рублей он даст с удовольствием и возьмет пустые проценты.

Костя подумал и махнул рукой.

– Закладывайте! – сказал он. – Завтра утром я буду у вас.

Он наскоро поклонился Шлимовичу и Лизавете Николаевне и выскочил за дверь.

Глава XVI

На всех парах и запыхавшись влетел Костя Бережков к себе домой. Явился он с черного хода, через кухню. В кухне его встретили женщины. Тут была богаделенка старуха Ферাপонтовна, кухарка и чернобровая Настасья Ильинишна с дочерью Таисой. Настасья Ильинишна толкла что-то в медной ступке, завернув ее в полотенце и поставив на войлок, дабы уменьшить резкость стука и тем не тревожить больного старика. Дочь Настасьи Ильинишны Таиса полоскала бутылку.

– Ну, что дяденька? – спросил Костя.

– Да что – чуть не умер. Посылает за вами, хочет поговорить, а вы не ведь где шляетесь, – отвечала Настасья Ильинишна.

– Я не шлялся, а по делам ездил, – вспыхнул Костя. – Какое такое вы имеете право такие слова?..

– Ах, оставьте, пожалуйста... Знаю я ваши дела!

– Ну, довольно! Достаточно... Не позволю я над собой командовать! Вишь, какая командирша выискалась! Не тебе ли еще отчет о торговых делах отдавать!

– Да что вы кричите-то! Старик еле дышит, а вы кричите. Кажется, нужно и пожалеть.

– Что с ним такое случилось? – обратился Костя к кухарке и к старухе Ферапонтовне. – Я пошел утром в лавку, так ему было совсем хорошо.

– Утром было хорошо, а после обеда вдруг подступило вот к этому месту, – отвечала кухарка. – Потемнел весь из лица, глаза подкатил, показывает на грудь. Чуть не задушило. Уж мы и так, и эдак... Да ведь женщины, ничего не знаем. Не знаем даже, где доктора живут, которые его лечат. Побежали уж так за каким-то, за чужим доктором – вот тут по соседству живет, – притащили его, и вот он припарками разными да компрессами... Долго тут он у нас возился и кой-как помог ему, чтобы отлегло.

Костя снял с себя пальто и передал его кухарке.

– А вы тут что стучите? – спросил он Настасью Ильинишну.

– Льняное семя толку, хочу льняное молоко сделать и Евграфа Митрича попоить.

– Доктор велел, что ли?

– Что доктора! Доктора ничего не понимают. Они вон лечат-лечат его и все вылечить не могут. Мелочной лавочник посоветовал. «У моей, – говорит, – у старухи точно так же подступало вот к этому месту, так я ее льняным молоком – и в лучшем виде отлегло».

– Смотрите, не напортите, чем ни попадя пичкавши-то... Уж вы рады...

Костя вошел в комнаты. Подойдя в гостиной к зеркалу, он поправил волосы, сделал солидное, деловое лицо и направился в спальную старика. В спальне пахло уксусом, лекарствами. Евграф Дмитриевич сидел в кресле с закутанными ногами и с головой, обвязанной полотенцем.

– Что с вами, дяденька? Господи боже мой! Утром все так было хорошо и вдруг... – начал Костя.

– Где это тебя нелегкая носит? – слабым голосом проговорил старик. – Ты совсем в лавке не сидишь... Я тут чуть не умер. Посылаю за тобой в лавку, и тебя нет. Ждут, ждут – все нет.

– Да ведь по делам, дяденька... Сегодня по казенным поставкам, в казенные места... Сами знаете...

– Ну, что ты врешь! У нас всего только и есть две казенные поставки по жестяной части, а ты ведь целый день... Ну, где ты пропадал до сих пор? Теперь уж семь часов вечера, а в казенных местах и присутствие-то только до четырех...

– Кое с кем в трактир зашел. Знаете, крапивное семя... Без угощения ни на шаг.

– Опять в трактир?

– Да ведь пристают, дяденька. «Угости да угости». С ножом к горлу пристают. А насчет меня самого – вы, дяденька, не сомневайтесь. Сами видите, что я свеж, как голубица, и совсем в порядке. Вот вы сегодня денег-то мне дали – десятки уж и нет.

– Не понимаю, какое тут угощение, коли поставка уж принята.

– Старшие приняли, а мелочь разная обижается и хаёт товар. «Нас, – говорят, – не потчевали, подождем следующей приемки, да и нагадим». Так прямо в глаза и говорят. Ведь у нас, дяденька, еще две поставки на носу.

– Ох, Костя, Костя! – вздохнул старик. – Ежели ты путаешь меня, то ведь себя путаешь. Ты это заруби себе на носу. Ведь твое все будет после моей смерти.

Старику было трудно говорить. Он умолк и тяжело дышал. Костя стоял, переминался с ноги на ногу и соображал:

«Как тут урвешься сегодня вечером в „Увеселительный зал“ к Надежде Ларионовне? – думал он. – Никак не урваться... А надо во что бы то ни стало быть там и поднести ей ротонду. В баню разве отпроситься, а взамен бани-то?..»

Старик пошамкал губами и сказал:

– Слушай... Ты где тут? Завет тебе даю. Ты после моей смерти Настасью не обижай. И Таису не обижай... Зачем? Она все-таки...

– Слушаю-с, дяденька. Зачем же я буду ее обижать? А только ведь она сама с ненавистью да язвительностью на меня лезет. Вот хоть бы сейчас... – отвечал Костя.

– Молчи. Довольно. Она все-таки меня любит и раба верная.

– Вы только не пейте, дяденька, то пойло, которое она вам теперь приготовляет.

– Отчего? Льняное молоко хорошо. Я сам слышал, что хорошо.

– Зачем же без доктора? Пусть доктор пропишет. А то вдруг какой-то мелочной лавочник посоветовал!

– Я и сам знаю, что хорошо. Не перечь мне... И так уж тошно.

Опять пауза.

«В баню, в баню надо проситься – иначе не урвешься к Надежде Ларионовне, – мелькало в голове у Кости. – Но ведь в баню на какой-нибудь час уйти можно, много на два, а что я подедаю в такое короткое время? Ну, да уж только бы урваться! Хоть только полчасика около нее побыть».

– Вам, дяденька, все-таки теперь лучше? – робко начал он.

– Какое лучше! Видишь, еле дышу, – отвечал старик. – Сегодня уж я жареных тараканов ел. Три штуки съел. Настасья их мне поджарила, истолкла и вместе с кофеем...

– Доктор прописал?

– Не стану я больше докторов слушать. Я говорил докторам, что хочу тараканов попробовать, а они: «Ничего этого не надо. Вот вам микстура...» А с микстуры-то ихней мне хуже и сделалось. Нет, я теперь простыми средствами... Простые средства лучше.

– Смотрите, не растравите себя.

– Ну вот... Люди не растравливают и даже вылечиваются, а я вдруг растравлю! Вот сейчас Настасья истолчет мне льняного семени, и я попью льняного молока.

– Теперь-то уж вас все-таки меньше душит?

– Меньше. А давеча было ужас как... Вот подкатило, подкатило под сердце... чувствую, что помираю – и уж что дальше было, не помню. Привели тут какого-то ледащего докторка – он мне компрессы, спирт. Вот с компрессов и со спирту помогло. Спирт его буду нюхать, со спирту мне хорошо.

– Не прикажите ли сейчас съездить за вашим доктором?

– Зачем? Утром он был, прописал микстуру... Принял я его микстуру, с ней-то мне после обеда хуже и сделалось. – Все-таки надо бы дать знать ему, что вот так и так... Прикажете, так я съезжу? – еще раз предложил Костя.

Он горел нетерпением уйти из дома, но не знал как.

– Прикажете, дяденька?

– Да нет же, нет. Говорю, что нет. Ну чего ты меня раздражаешь!

– Нет, я, собственно, к тому, что мне сейчас придется ехать лавку запирать, так заодно уж.

– И без тебя запрутся. Оставайся дома.

– Нельзя, дяденька, я ничего не сказал. Меня там будут ждать.

– Пошли кухарку сказать в лавку, чтобы запирались.

– Мне, дяденька, десять рублей надо там в книгу записать, которые я проугощал разной мелкой братии по поставке.

– Завтра запишешь.

– Опять же получить эти деньги из кассы, потому что я на свои угощал и теперь как есть без гроша.

– Зачем тебе сегодня деньги?

– Сапожник хотел вечером прийти и калоши принести, так надо за калоши ему отдать.

– Придет, так я отдам за твои калоши.

Костя изнывал. Он походил по комнате, взболтнул банку с микстурой, стоявшую на столике, и посмотрел ее на свет. – Мне, дяденька, нельзя совсем без денег быть, а я без гроша. Мне самому сегодня нездоровится, смерть как поясница болит. Должно быть, простудился...

– Оттого, что по ночам не ведь где шляешься, – отвечал старик.

– Господи боже мой! В конкурсном заседании был, двадцать человек меня видели, а вы – «не ведь где»! Спросите у людей. Нет, просто я в лавке простудился. У нас ужаси как дует от окна в верхней лавке, а я всю свою бухгалтерию около окна в верхней лавке веду. Хочу вот намазаться сегодня бобковой мазью да пропотеть. А то вы больны, да я еще болен.

– Ну, что ж, намажься.

– Верите ли, дяденька, даже на бобковую мазь денег нет.

– Вон мелочь лежит – возьми.

– Зачем же я ваши буду брать, если могу из своих? Мне стоит только в лавке из кассы десять рублей получить...

– На тебе твои десять рублей. Получи и подавись ими!

Старик полез в карман халата и вынул пачку бумажек.

– Зачем же я буду из ваших карманных получать, коли угощение по поставке торговый расчет. Надо из лавочной кассы... А то потом запишу я по бухгалтерии – и у нас кассовая книга не сойдется.

– А ты в бухгалтерию не пиши. Бери вот... Бери даже пятнадцать рублей, плати за калоши и мажься бобковой мазью вволю.

– Благодарю покорно, а только...

Костя хотел что-то еще сказать, но не договорил. Опять произошла пауза. Старик широко открыл глаза, смотрел на лампу и тяжело дышал. Костя сел, потом встал и зашел за спину дяди, чтобы не глядеть ему в лицо.

– Я не знаю уж, как мне быть, дяденька, – снова начал он, – но мне бы хотелось намазаться бобковой мазью в бане и пропотеть хорошенько. Ведь вам теперь, слава богу, лучше, так не отпустите ли меня сегодня вечером в баню? – Что уж так очень приспичило?

– Да ведь вот полечиться-то насчет спины хочу... А то как бы не расхвораться вконец. Тогда и вы больны, да и я-то тоже... Храни Бог...

– Ах, как ты мне надоел! Всю душу у меня вымотал...

– Я на ночь-с... Хочу так, чтобы прямо на сон грядущий. Выпарюсь в бане, вымажусь мазью, пропотею и, вернувшись домой, прямо в постель.

– Да неужто уж без бани-то нельзя?

– Простое русское средство... Сами же вы сейчас изволили говорить, что лучше простых средств нет. Кроме того, рыночный саечник наш советовал мне на ночь огуречного рассолу... Это тоже простое средство.

Старик молчал.

– Можно, дяденька, в баню-то?.. – приставал Костя. – Я, во-первых, после чаю, ночью, а во-вторых, живо, одна нога здесь, а другая там... К тому времени уж приказчики домой из лавки придут – и в доме будет много народу. Можно, дяденька?

– Да уж иди, иди, бог с тобой! – раздраженно проговорил старик.

Костя просиял. Радостно вспыхнули его глаза. Он закусил нижнюю губу и на цыпочках вышел из спальни старика.

Глава XVII

Костя то и дело посматривал на часы и ждал, когда приказчики вернутся домой из лавки, чтобы ему можно было урваться в баню, а вместо бани ехать в «Увеселительный зал» к Надежде Ларионовне. Часовые стрелки казались ему удивительно медленно двигающимися. Дабы не подать подозрение домашним, что он уходит не в баню, он даже собрал в узелок чистое белье. Было половина девятого, а приказчики все еще не возвращались.

«Черт их знает, что они не идут! – думалось Косте. – Давно бы уж пора. Перед стариком свое рвение к делу показать хотят, что ли? Иной раз то и дело торопят запирать лавку, а тут как назло. Дьяволы! Право, дьяволы!»

В нетерпении он стал ходить из угла в угол по комнате, где стояла его кровать и кровать старшего приказчика, и напоминал собой скучающего тигра в клетке. Наконец он стал считать свои шаги. Когда он насчитал четыреста с чем-то, в кухне раздался слабый стук в дверь. Это были приказчики.

– Ну, слава богу! – воскликнул Костя и стал надевать на себя шубу.

В комнату вошел старший приказчик. Наскоро сообщив ему, что было с дядей, и прибавив, что дяде теперь лучше, Костя сказал:

– А я тороплюсь в баню. Самому что-то нездоровится. Хочу мазью бобковой намазаться. Простудился, что ли...

Бока и поясницу так и ломит.

Старший приказчик покосился на узел с бельем, потом взглянул на Костю и проговорил:

– Что ж вы во всем параде-то в баню?..

– В каком параде? – вспыхнул Костя.

– Да как же, в новом спиньжаке, в крахмальной рубашке и при часах с цепочкой.

– Так что ж из этого? Я в сорокакопеечные хорошие бани. Туда все так ходят, там все в параде... Там высшее общество. Там такие франты приходят, что только держись. Раз я видел даже генерала в эполетах. Да еще как: в эполетах и с орденами... Вы бывали ли в сорокакопеечных банях-то?

– Ну, вот... Еще бы не бывать! А я только к тому, что вы и сами всегда в старенькой одежде и в ночной рубахе ходили.

– Ну, так что ж из этого? Ежели во всем старом, то, стало быть, не в сорокакопеечные бани ходил, а в простые.

Ну, да что об этом говорить! Я пойду. Я отпросился у старика, но все-таки, если старик меня спросит, то вы скажите, что в баню ушел.

Костя схватил узел с бельем и выбежал из квартиры. Выбежав на улицу, он вскочил в первые попавшиеся извозчичьи сани и скомандовал:

– На Гороховую!

Первым делом он отправился к портному Кургузу за ротондой для Надежды Ларионовны. Сердце его трепетало. Он то и дело торопил извозчика, а про себя шептал:

– Удивлю всех и поднесу ей эту ротонду вместе с букетом из оркестра при всей публике! Подносят же серебряные сервизы, серебряные самовары, целые куски материи на платье, так отчего же не поднести ротонды?

Портной Кургуз его встретил приветливо, с распростертыми объятиями.

– Боже мой, кабы чаще ко мне такой прекрасный молодой человек приходил! – заговорил он. – Чайку не прикажете ли? Пойдемте ко мне в квартиру. Кстати, я вас с моими дочерьми познакомлю.

– Нет, нет, Исай Борисыч, не могу! Когда-нибудь уж в другой раз. А теперь я лечу к моей богине. Давайте мне мою ротонду и прощайте.

– Да ведь я на минутку вас прошу.
– И на минутку не могу.
– Ох, любовь, любовь! – вздохнул Кургуз и прибавил:
– Ну, приезжайте в другой раз, только поскорее. Вы ведь должны мне заказать хоть какую-нибудь пиджачную парочку. Расписку не забывайте.
– Нет, нет, я помню и приеду к вам в конце недели. Мне, в самом деле, нужно заказать себе черный сюртук.

Меховая ротонда была завязана в узел, и Костя, пожав Кургузу руку, выскочил из магазина.

– На Невский! В цветочный магазин! – скомандовал он извозчику.

Куплен был и букет из живых цветов.

Через полчаса Костя входил в швейцарскую «Увеселительного зала». Засуетились швейцары, сдергивая с него пальто.

– Постойте, постойте, – остановил их Костя. – Прежде всего, слушать команду. Вот этот маленький узелок останется у вас в швейцарской. Тут белье. А этот большой узел и кордонку с букетом вы снесете в оркестр, передадите капельмейстеру и скажете, что для Люлиной от Бережкова. Когда подавать на сцену – я сам скажу.

– Слушаем-с, ваше сиятельство.

– Да поняли ли, что я сказал?

– Все поняли, ваше сиятельство. Порядок известный.

– Ну, теперь снимайте с меня пальто. Или вот что, ротонду вы из большого узла выньте и так подайте капельмейстеру. Тут меховая ротонда, – суетился Костя.

– Хорошо-с, ваше сиятельство. Все исполним. Помилуйте, нам не в первый раз.

Из окна кассы выглядывала горбоносая фигура еврея-кассира и приветливо кивала Косте. Костя подошел к кассе и протянул кассиру руку.

– Оставил, оставил. Словно чувствовал, что вы придете, и загнул для вас билет первого ряда, – говорил кассир, сильно акцентируя по-еврейски.

– Спасибо, спасибо. Но разве сегодня так много публики? – спросил Костя.

– Ужас, ужас! И все какой публика! Самый первый сорт. Все на Люлину приехали. Все спрашивают: «Будет ли сегодня петь Люлина? Будет ли она петь?» Большущего актриса сделала. Сам наш принципал сегодня пять фунтов конфетов ей в уборную послал, – рассказывал кассир.

Костя слушал и сиял. Что-то теплое, очень теплое подкатывало ему под сердце и заставляло усиленно биться. Лицо его горело.

– Мне еще нужно рассчитаться с вами, почтенный Моисей Ильич, – говорил он кассиру. – Я вчера занимал у вас на ужин. Моисей Ильич ведь вас, кажется?

– Как ни зовите, только хлебом кормите.

– Вот шестьдесят пять рублей. Давайте мою расписку обратно, получите деньги и впредь не верьте.

– Фай, фай! Как возможно! Такого хорошему господину, да чтобы не верить? Сто шестьдесят рублей поверим и даже больше, когда деньги есть, а не шестьдесят пять. Двести шестьдесят пять рублей без всякого слову дадим, Константин Павлыч! – распинался кассир, получая деньги и возвращая расписку.

– Ну хорошо, хорошо. Спасибо вам. В антракте приходите в буфет. Попотчую.

Когда Костя входил в театральную залу, на сцене стояла Надежда Ларионовна в своем голубом декольтированном полуакробатском костюме, блестела серебряной мишурой и пела, улыбаясь публике, припрыгивая и делая жесты. Костя вздрогнул, вспыхнул и со всех ног ринулся в первый ряд кресел. В оркестре суетился швейцар, укладывая у ног капельмейстера меховую ротонду и ставя коробку с букетом.

Глава XVIII

Надежда Ларионовна допевала уже последний куплет своей шансонетки, когда Костя Бережков добежал до своего кресла в первом ряду. Первый ряд был полон. Костя заметил нескольких новых посетителей, не из числа завсегдатаев. Были старики и юноши, статские и военные. Все они просто пожирала глазами Надежду Ларионовну, впивались взором в ее стройные бедра, обтянутые тельным трико, в ее сильно развитую обнаженную грудь. Какой-то старичок, сосед Кости по креслу, даже весь трясся как в лихорадке и нервно шевелил губами, направляя свой бинокль на Надежду Ларионовну. Наконец, она кончила, размашисто развела руками, улыбнулась и вприпрыжку убежала за кулисы. Раздался гром рукоплесканий. Юноши громыхали креслами, старичок неистовствовал, кричал и колотил биноклем о барьер. Костя соскочил с кресла, бросился к капельмейстеру и, перевесившись через барьер оркестра, громко шептал:

– Подносите... Сейчас подносите... Все подносите...

И букет, и ротонду подносите!

– Люлину, Люлину! – ревела публика.

Надежда Ларионовна показалась на сцене и в несколько прыжков очутилась у рампы. Из оркестра ей подали букет.

Она взяла его, улыбнулась, поклонилась и понюхала. Когда же из оркестра показалась меховая ротонда, крытая бархатом, она несколько смутилась и попятилась, даже замахала руками.

– Берите же, – шепнул ей капельмейстер.

Она колебалась и взглянула в кулису. Из-за кулисы выскочил режиссер и принял ротонду. Надежда Ларионовна передала ему и букет и принялась раскланиваться, прижимая руку к сердцу. Костя стоял в первом ряду, как раз против нее. Она взглянула на него, кивнула ему, улыбнулась и сделала ручкой. Вся кровь прилила в голову Косте. Он зачастил аплодисменты и буквально отбивал себе руки до боли.

Надежда Ларионовна снова убежала за кулисы. Но вызовы не умолкали.

– Бис, бис! – раздавалось в зале.

Показалась снова Надежда Ларионовна, и на этот раз в ротонде, накинутой на плечи. Эта шалость произвела потрясающий эффект. Стройные ноги ее, обтянутые розовым трико, еще резче выделялись на темном мехе распахнутой ротонды. В таком виде она повторила последний куплет.

Опять неумолкаемые аплодисменты, опять вызовы. Последний куплет ей пришлось повторить три раза. Надежда Ларионовна торжествовала, торжествовал и Костя.

С уходом со сцены Надежды Ларионовны опустился занавес и начался антракт. Публика первого ряда не расходилась, а, сгруппировавшись в проходе, толковала о Надежде Ларионовне.

– Замечательная певичка, положительно замечательная! – слышалось повсюду.

– И ведь заметьте, какая находчивость! – шамкал старичок. – Взяла и надела на себя ротонду и вышла в ротонде. Это так эффектно, так эффектно...

Старичок не договорил, распустил слюни, захлебнулся, зажмурил глаза и вместо окончания только покрутил головой. – Не знал я, не знал, что в таком захолустном кафешантанчике и такой замечательный цветок существует! – говорил совсем юный офицер другому.

– Я сам не знал, но мне вчера Ларин в «Медведе» сказал, – отвечал товарищ. – Я заезжаю в «Медведь» поужинать – встречаю Ларина. «Сейчас, – говорит, – из „Увеселительного зала“. Съезди и посмотри, какой там замечательный цветок поет. Шик, – говорит, – просто шик»...

Ну, я, не откладывая в дальний ящик, сегодня же и поехал. И ведь действительно замечательная певичка! Главное, молода и свежа. А это редкость. Все они всегда такие потасканные.

– Двадцать лет женщине... Всего только первый год на сцене, так что ж тебе! Мне тоже только сегодня поутру в офицерской столовой Калязин сказал, и я сейчас же поехал. Надо ее пропагандировать, надо пропагандировать.

В другой группе говорили:

– Купчик, говорят, какой-то шубу ей поднес.

– Да, да... Богатый купеческий сын. Что ему? А шуба отличная. Больше тысячи рублей стоит. Кутила, говорят, и деньгами так и сорит направо и налево.

– Стало быть, уж тут и не подступайся?

– Ну, это как сказать... Ничего неизвестно... Поналечь, так может быть... Впрочем, он ее уж держит на содержании. Тс... Вот он...

Костя прислушивался и слышал эти суждения про Надежду Ларионовну. Ревность просто съедала его.

«Брошку ей завтра бриллиантовую... брошку... Сговорюсь завтра же с извозчиком Булавкиным, и пусть ей лошадей посылает помесячно, – мелькало у него в голове. – Адольф Васильич обещался мне мебели для ее квартиры в кредит достать, выдам вексель, а там... а там уж будь что будет... Платеж через полгода... К тому времени все может измениться, а не изменится, так будь что будет, – опять повторил он мысленно, взглянул на часы и подумал: – Ну, теперь пора и к ней... Она уже переделалась...» – и бросился за кулисы.

Когда он шел по коридору, то встретился с антрепренером. Тот тоже шел на сцену. Это был худой сутуловатый человек с несколько испорченным оспой лицом и с черными чиновничьими маленькими бакенбардами. Он немного заикался. Звали его Караулов. Встретясь с Костей, он протянул ему руку.

– Спасибо, что поддержали нашу Люлину, – сказал он. – Честь вам и слава!

– Помилуйте, это наша обязанность, чтоб поддерживать такие таланты, – немного смутясь, отвечал Костя, потрясая его руку.

Антрепренер остановился.

– Нет, какова певичка-то! – прищелкнул он языком и заикнулся, скривив рот. – Нет, кто мог подумать, что из простой девочки-статистки такая певичка выработается! Прелесть, прелесть что за девочка! Уж вы, господин Бережков, поддерживайте ее. Я ее поддержу и вы тоже. А то у нас ее отбить хотят. Приехал из Курска антрепренер театра Голенастов и сманивает ее. Вы слышали про это?

– Слышал, слышал, но только никуда она не поедет, – отвечал Костя, вспыхнув.

– То-то, уж пожалуйста, господин Бережков. Главное, уговорите ее, чтобы она не ехала. Голенастов ей предлагает четыреста рублей в месяц, и она вследствие этого хочет нарушить контракт, заплатить мне неустойку и уехать. Ну, зачем же так делать? Лучше честь честью... Я ей прибавлю пятьдесят рублей в месяц к жалованью и дам бенефисик. Можно подговорить кой-кого, чтобы подписались на подарок. То же на то же наведет. Голенастов предлагает ей четыреста и бенефис, а я даю теперь сто двадцать пять и бенефис, но зато Голенастов зовет только на три зимних месяца, а у меня она может служить зиму и лето. Зимний контракт кончится – летний заключим. Круглый год... Это надо принять в расчет.

И наконец, там дорога... Дорога чего же-нибудь стоит, а здесь, сидя на месте, не расстраивая своего гнезда. Ведь, как бы то ни было, у ней теперь все-таки и квартира есть, и мебель, и хозяйство. Все это продать надо, если ехать. Вы поговорите.

Караулов еще раз схватил Костю за руку и крепко пожал ее.

– Вы к ней? На сцену? – спросил Караулов. – Пойдемте вместе и давайте вместе ее уговаривать. Она давеча утром на репетиции чуть не на стену лезла: еду да еду в провинцию, в Курск... Уверяю вас, что ей нет никакого расчета. Я даже прибавил бы ей и больше жалованья,

но ведь сборы все плохи. Я кругом в долгу как в шелку. На меня жидаы насели и теребят. Я весь в жидовских руках.

– Сегодня-то сбор хороший, – заметил Костя.

– Только сегодня, – подхватил Караулов, заикаясь. – Я знаю, что это Люлина сделала, знаю, что она, но почему знать, что дальше... Будут продолжаться хорошие сборы, так я ей еще прибавлю. Вы так ей и скажите. Я привык таланты ценить, но что ж поделаешь, если средств нет! Вы так и скажите.

– Скажу, скажу. Я сам ни за что на свете не хочу ее отпустить, – отвечал Костя.

– Пожалуйста, Константин Павлыч. Константин Павлыч? Так, кажется?

– Точно так.

– А меня Василий Сергеев, сын Караулов. Очень приятно, что сошлись. Я уже давно замечаю вас в театре, но все не приходилось разговориться. Будемте знакомы.

– Очень приятно, – пробормотал Костя.

– Ну, так пойдете на сцену и приступим прямо к Надежде Ларионовне на приступ, штурмом ее возьмем.

Караулов обнял Костю за талию и повел его на сцену.

Глава XIX

Антрепренер Караулов, встретясь в кулисах с режиссером, остановился переговорить с ним о чем-то, а Костя юркнул прямо в уборную Надежды Ларионовны. Надежда Ларионовна стояла уже переодетая из костюма в платье и в сообществе тетки своей и двух каких-то молоденьких статисточек рассматривала только что поднесенную ей ротонду. Сброшенный ею костюм лежал на стуле. Сверху помещался букет. Тетка Надежды Ларионовны лизала языком черно-бурый лисий мех ротонды, потом терла его белым носовым платком и, смотря на платок, говорила:

– Кажется, не подкрашенный. А впрочем, бог весть...

Нынче отлично красят. Так красят, что и не узнаешь.

– Не подкрашенный, не подкрашенный, – отвечала Надежда Ларионовна, – Костя сквалыжничать не станет, когда у него деньги есть, а теперь он с деньгами.

Она обернулась и увидела Костю.

– Мерси, мерси, сто раз мерси, – сказала она, улыбаясь, и сделала ему ручкой. – Натя за это... целуйте руку... – прибавила она и, протянув руку, ткнула ему ее прямо в губы.

Костя чмокнул, хотел поймать ее руку, дабы поцеловать еще раз, но Надежда Ларионовна отдернула ее и пробормотала:

– Покуда довольны. Больше при посторонних не полагается. Остальное потом... После доцелуете...

– Нравится ли вам, Надежда Ларионовна, ротонда? – спросил Костя, млея от восторга.

– Смотрите, смотрите, он на похвалу напрашивается! Ну, подите, я вас поглажу по головке. Паинька-мальчик, пай...

Она сбила ему прическу и, топнув ножкой, прикрикнула:

– Ну, что ж стоите, как обалделый! Садитесь, так гость будете. Курите папироску, сегодня вам дозволяется.

Костя сел. Тетка Надежды Ларионовны обернулась и сказала:

– В Американских землях, говорят, когда входят, то со всеми знакомыми здоровкаются.

– Здравствуйте, здравствуйте. Я, кажется, всем сказал:

здравствуйте, – отвечал Костя, протягивая тетке Надежды Ларионовны руку.

– Ничего вы не сказали, ну, да уж бог с вами. Слушайте, а когда же вы мне-то беличье пальто?.. Ведь и мне вы тоже пальто обещали.

– Потом, потом, тетенька.

– Слушаю, племянничек. Суленого три года ждут. Только смотрите, посул не забудьте.

– Да полноте вам, тетенька, приставать-то! – оборвала старуху Надежда Ларионовна и спросила: – Константин Павлыч, вы сколько заплатили за ротонду?

– Да уж сколько бы ни заплатил. Нравится – ну и носи на здоровье.

– Дорого эта ротонда стоит, дорого, – сказала одна из статисточек. – Когда я у мадамы в мастерицах жила, то мы тоже такие ротонды шили, так тогда давалицы наши ужаси как дорого мех ценили. Пожалуй, тысячу рублей стоит.

– Тысячу рублей заплатили или меньше? – задала опять вопрос Надежда Ларионовна.

Костя молчал и таинственно улыбался.

– Да ведь я все равно узнаю от Шлимовича, сколько вы заплатили, – продолжала она. – Говорите.

– Девятьсот рублей. Даже можно так считать, что она много дороже мне обошлась.

– Не врете?

– Зачем же врать?

– Ну, спасибо вам. Еще раз скажу, что паинька-мальчик. Слышите, завтра пришлите мне парные сани. Я хочу в этой ротонде по Невскому кататься.

– Хорошо, хорошо.

– Ах, Надя, какая ты счастливая! А я так прошу, прошу у Николая Ивановича хоть куний воротник к пальту – и то не покупает, – сказала со вздохом статисточка.

– Вольно же тебе с музыкантом связываться! Ну что такое музыкант? Ну много ли он получает?

– Да ведь жених...

– Поди ты! Какой прок от такого жениха? Еще если бы музыкант-то был настоящий, а то дудка. За два рубля в вечер играет. Вот у меня саврасик... Правда, и он бывает иногда дрянь-мальчишка, но сегодня паинька. Знаете, за что вы сегодня паинька? – обратилась Надежда Ларионовна к Косте. – За то паинька, что придумали эту самую ротонду на сцену мне поднести. Я хотела вас ругать и даже очень ругать, а уж теперь и язык не поворачивается. И как это вы так придумали? Своим умом дошли или вас другой кто-нибудь надоумил?

– Своим. Только что ж тут такое? Букеты, обернутые вместо ленты шелковой материей на платье, подносят же, подносят разные серебряные сервизы и вазы, так отчего же букет, обернутый ротондой, не поднести? – доказывал Костя.

– Нет, я к тому, что вы всегда такой глупенький, а тут...

Верно, вас Шлимович надоумил?

– Ей-ей, своим умом. Я на тебя-то вот удивляюсь, как это ты нашлась, чтобы после поднесения надеть эту ротонду на себя и в ней выскочить?

– А что? Разве не хорошо?

– Напротив. Прелесть как хорошо. Ужасно чудесно вышло. Шик. Все в восторге. Офицер сейчас говорил, что это не всякая и француженка догадается.

– Что мне француженка! Я теперь сама всякой француженке нос утру. Плевать мне на француженку. Меня вон в настоящий большой театр приглашают, чтобы оперетку играть... – похвалилась Надежда Ларионовна, гордо вздернув носик. – Приехал антрепренер из провинции и предлагает четыреста рублей и бенефис. Да даст и больше.

Костя вспыхнул.

– Ах, Надежда Ларионовна, вот об этом-то я с тобой и хотел поговорить, – начал он. – Я слышал уже об этом от Лизаветы Николаевны.

– Отговаривать хотите? Не отговорите, – махнула рукой Надежда Ларионовна. – Сил не хватит.

– Да не я один. То же самое и твой антрепренер Караулов.

– Караулов – первый сквальжник. Пусть даст пятьсот рублей и бенефис, да пусть мне в бенефис «Прекрасную Елену» поставит. А то ведь норовит вон на конфектах отъехать...

Сердце Кости болезненно сжалось, и он снова начал:

– Надюша, разочти: ведь он дает сто двадцать пять рублей и бенефис... Может быть, даст и полтора. Не поедешь, так ведь и неустойки ему не платить.

– Ах, оставьте вы, пожалуйста! Мне из этого прокопченного театра-то только бы выбраться.

Костя встал, подошел к ней и украдкой шепнул:

– Ты меня пожалей. Ведь я без тебя с ума сойду.

– Да чего вы боитесь-то? Ведь я через три месяца обратно вернусь. Скажите на милость, какая ревность! – громко крикнула Надежда Ларионовна. – И уж когда вернусь, тогда другая цена будет.

– Да тебя и так оценят, и без отъезда оценят, – шептал Костя.

– Подите вы! Вы, кажется, с Карауловым-то заодно.

– Да ведь здравый смысл...

– Отстаньте.

– Да послушай меня прежде. Ты проси у него двести рублей и бенефис. А бенефис Караулов тебе устроит такой, что тебе и от публики подарок будет.

– Золотой тоненький браслет с бирюзой, как Черкасовой поднесли? Благодарю покорно. Нет, нет, вы оставьте об этом... После поговорим. Ведь мы сегодня ужинать куда-нибудь поедем – ну там и поговорим. Тетенька! Да будет вам мех-то лизать! – крикнула Надежда Ларионовна на тетку. – Словно кошка или собака лижете. Вы лучше убирайте костюм-то в корзинку. А то новый костюм и зря по стульям валяется.

В дверях уборной стоял антрепренер Караулов, улыбался Надежде Ларионовне и бесшумно аплодировал, прикладывая ладонь к ладони.

Глава XX

– Прелестно, божество мое, прелестно, – говорил антрепренер Караулов, обращаясь к Надежде Ларионовне. – Сегодня вы превзошли себя. Я сидел в зале и дивился, дивился на вашу находчивость, когда вы после поднесения появились в шубе, накинутой на костюм. Выдумка шикарная. Знаете, теперь будут подражать вашей выдумке, будут нарочно выходить в трико и сверху в шубе. Очень эффектно вышло. Вся публика в восторге. Дайте ручку поцеловать.

– Было бы за что, – отвечала Надежда Ларионовна, делая серьезное лицо и пряча руки за спину. – Насчет жалованья сквалыжничаете, а сами лезете руки целовать.

– Я сквалыжничаю? Я? Да я грудь мою разорвал бы для вас, ежели бы не был стеснен долгами. Ведь только черту рогатому и не должен. От радости жид-то у меня в кассе сидит, что ли? Для украшения я его туда посадил разве?

Ведь его жида кредиторы туда посадили, чтобы он выгребал для них полсбора.

– От ваших разговоров мне ни тепло ни холодно, – сделала гримасу Надежда Ларионовна.

– Погодите, будет и вам тепло, сделайте только, чтобы мне было чуточку теплее. А сделать это вы можете, вас полюбила публика, сборы начались. Я пришел просить и слезно умолять, чтобы вы не принимали предложения Голенастова. Не ездите в провинцию, челом вам бью... – Караулов низко поклонился и хотел протянуть руку до полу, но покосился на стоявших в уборной двух статисточек и сказал: – Идите, миленькие, к себе. Нечего вам тут делать, дайте поговорить.

Те сконфузились и вышли из уборной.

– Первой актрисой вы у меня будете, – продолжал Караулов, обращаясь к Надежде Ларионовне после ухода статисток. – Все для вас сделаю.

– Пятьсот рублей и бенефис, – отчеканила Надежда Ларионовна.

– Невозможно этому быть, ангел мой... Чего невозможно быть, так зачем говорить? И с какой же стати с меня-то вы пятьсот рублей требуете, если соглашаетесь ехать к Голенастову на четыреста?

– Там большая сцена, там большие оперетки ставятся, а у вас вместо сцены курятник. Думаете, приятно мне свой талант на такой сцене губить? И наконец, кто меня здесь видит? Так какие-то... голоштанники.

– Вздор-с, вздор-с... Сегодня много офицеров приехало.

– У которых шиш в кармане.

– Тоже вздор-с... Интендантский полковник сидит, а у этого полковника два дома каменных. Наконец, сегодня два богатых купца... Один лесник, а другой на Калашниковской пристани хлебом торгует.

Костю покорило.

– Надежда Ларионовна, да зачем вам богатые? – вставил он свое слово.

– Не ваше дело. Не суйтесь. Сидите и молчите.

Караулов опять продолжал:

– И ежели здраво посмотреть, то предложение Голенастова никакой вам выгоды не представляет.

– Мое дело, – отвечала Надежда Ларионовна.

– Нет, в самом деле... Вы рассчитайте: четыреста рублей только на три месяца – тысячу двести. Двести рублей мне неустойки должны заплатить, да на проезд в Курск потратитесь, потом назад.

– Зато цену себе подниму.

– Ложный взгляд, ложный взгляд. А у меня зиму и лето будете получать по сто двадцати пяти рублей да два бенефиса – зимой бенефис и летом. И все это сидя на месте, никуда не выезжая.

– Под лежащий камень и вода не течет.

– Неверный расчет, неверный расчет, – качал головой Караулов. – И наконец, примите в соображение, что у вас здесь обожатель, а там вы приедете в незнакомый город.

– Гм... Таких-то обожателей я там десятерых найду. Хорош обожатель! Только сегодня-то на хорошую вещь и расщедрился.

– Погодите, Надежда Ларионовна... Все вам теперь будет, все... Все, что только ваша душенька запросит, – сказал Костя.

– Слышали мы уж это, слышали. Когда-то еще улита поедет да когда-то приедет.

– Просите, Константин Павлыч, просите, – толкнул Караулов Костю.

– Да я уж и не знаю, как готов умолять.

– Не умолите. Съезжу на три месяца, помотаюсь там, вернусь сюда, так тогда смотрите, как меня ценить будете! – Незаметно.

Надежда Ларионовна сидела около открытой бонбоньерки, присланной ей перед спектаклем Карауловым и, не смотря ни на кого, равнодушно ела конфеты.

– Ну, хорошо, Надежда Ларионовна, я вам сто пятьдесят рублей в месяц дам! – сказал Караулов и махнул рукой. – Вы торгуетесь, как жид. Давайте четыреста и бенефис.

– Удаться надо, если дать четыреста. Помилуйте, из каких доходов? – пожал плечами Караулов.

– На Соньку же вашу тратите рублей полтора денег – вот эти деньги мне.

– Никогда... Ничуть... Софья Семеновна у меня в черном теле.

– Недавно еще ей бриллиантовую браслетку подарили...

– Да уж это так только... За верную службу... И то потому, что жида в рассрочку дали.

– У вас все жида... А по-моему, жида – самые хорошие люди, коли они деньги и вещи в долг дают. Вот возьмите у них и для меня в рассрочку.

– Ах, какая барыня тяжелая! – вздохнул Караулов и прибавил: – Ну, вот что: возьмите себе два бенефиса в зимний сезон. Полтора денег в месяц и два бенефиса.

Полные два бенефиса берите. Только вечеровый расход вычту.

– Нет, далеко торговаться.

– Вы не шутите с бенефисами, Надежда Ларионовна. Вас теперь полюбила публика, и вы можете много в бенефис взять. Назначайте двойные цены.

– Если бы можно новые оперетки с новыми костюмами поставить, то другое дело, а то ведь у вас костюмы – трепаное старье.

– Найдем костюмы.

Поднялся со стула Костя, наклонился к Надежде Ларионовне и прошептал чуть не сквозь слезы:

– Оставайся, Надюша. Завтра я тебе лошадей помесечно найму, постоянных лошадей, квартиру тебе заново обмоблирую. Шлимович хотел мне мебели в долг достать.

Надежда Ларионовна подняла на Костю глаза и сказала:

– Врете вы, кажется.

– Ей-ей, все у тебя будет, что ты просила.

– Деньги-то вот за вчерашнюю тройку отдайте. Сегодня вечером уж извозчик ко мне приходил за деньгами.

– Вот, вот... Приготовлено. Завтра придет, так отдайте.

Костя распахнул бумажник и вытащил деньги.

Подошел Караулов.

– Так как же, Надежда Ларионовна? – начал он снова. – Решите мою судьбу. Только не губите. Дайте от вас сборами попользоваться.

– Да что вы с ножом к горлу пристали! – огрызнулась Надежда Ларионовна.

– Мой совет – оставаться тебе. Ну, куда тут ехать! – проговорила до сих пор молчавшая и курившая папироску тетка Надежды Ларионовны.

– Не ваше дело, тетенька. Не суйтесь. Ну, однако, что ж мы сидим? Константин Павлыч, ведите и угощайте ужином.

– Нет, уж сегодня позвольте мне предложить ужин, – засуетился Караулов.

– Вы? С какой же стати вы это сегодня расщедриваетесь? Или хотите ужином задобрить? Ошибаетесь. Тут не ужином пахнет.

– О, просто от полноты души и от сердца! Вы сегодня богиня, богиня шансонетки, – говорил Караулов. – Прошу вас и вас, Константин Павлыч. Хотите – здесь будем ужинать, хотите – поедем куда-нибудь.

– Здесь, здесь. Только чтобы вашей Соньки с нами не было, – сказала Надежда Ларионовна.

– Софья Семеновна позавидовала вашему успеху, раскапризничалась и домой уехала, – отвечал Караулов. – Прошу и вас... – поклонился он тетке.

– Нет, нет. Тетенька с костюмом домой поедет и дома поужинает. Не люблю я, когда хвост, – отвечала Надежда Ларионовна, толкнула Костю в бок и крикнула: – Ну идемте! Чего вы надулись, как мышь на крупу! Господи, как я не люблю таких кислых мужчин! Словно из него жилы тянут.

Они стали выходить из уборной.

– Надюша, хоть бы раз в жизни тетку-то покормили ужином в ресторане, – шепнула Надежде Ларионовне тетка, как-то боком подскочив к ней.

– Отстаньте вы, пожалуйста. Соберите костюм и поезжайте домой. Константин Павлыч! Дайте ей на извозчика. У меня нет.

Костя вытащил из кармана рубль и дал.

Глава XXI

Антрепренер Караулов, Костя Бережков и Надежда Ларионовна, пройдя за кулисами, вышли в маленькую дверь, ведущую в коридор. В коридоре Надежду Ларионовну ждала овация. Там стояли молоденький офицерик, толстый интендантский чиновник с круглыми усами и прыщавый статский саврасик в пенсне. При появлении Надежды Ларионовны они из всей силы зааплодировали.

– Bravo, bravo! – басил интендантский чиновник.

Офицерик тотчас же подскочил к ней.

– Позвольте представиться. Переносьев, – начал он. – Затем позвольте выразить вам несказанную благодарность за то эстетическое наслаждение, которое вы доставили нам. Кстати, сообщите, когда ваш бенефис. Могу притащить к вам в театр массу товарищей, только пришлите билеты на мое имя. Вот моя карточка.

Сказано это было все быстро, за один дух. Офицерик шаркал ногами, кланялся и совал карточку. Для Надежды Ларионовны все это было неожиданно. Она попятилась, смутилась и не брала карточку.

– Я не знаю, право, когда будет мой бенефис. Лучше уж вы потом... Может быть, даже и не будет, – говорила она.

– Как? Вы даже не имеете и бенефиса! – рявкнул басом интендантский чиновник. – Да ведь это варварство! Мы заставим, заставим антрепренера дать вам бенефис! Кто у вас антрепренер?

– Я-с... – откликнулся, заикаясь, Караулов. – Мы и даем им бенефис, да они не берут-с...

– С какой стати? Позвольте, сударыня, с какой стати? Неужели же вы боитесь быть в накладе? Мы поддержим.

Считайте, за мной пять кресел.

– Поддержим, поддержим... – гнусил тоненьким голоском саврасик. – Позвольте откомендоваться: любитель искусств и театра...

Офицерик не дал ему договорить.

– Возьмите все-таки мою карточку-то, мадемуазель Люлина, – перебил он саврасика, суя Надежде Ларионовне свою карточку. – Когда будет бенефис, я пригожусь. Присылайте билеты без церемонии. Десять – пятнадцать билетов я всегда раздам.

– Берите, берите карточку-то... Пригодится, – сказал Надежде Ларионовне Караулов и, обратясь к интендантскому чиновнику, сказал: – Бенефис бенефисом, а похлопочите насчет подарка для госпожи Люлиной, соберите подписочку. Поощрить талант стоит.

– Всенепременно, всенепременно... – басил чиновник.

– Составляйте сейчас подписку, я готов подписать, – опять прогнусил тоненьким голоском саврасик.

Костя стоял около Надежды Ларионовны, и его бросало в жар. Он уже ревновал ее ко всем.

– Ну, пойдете... – сказал Караулов Надежде Ларионовне и Косте.

– Уезжаете уже? – полюбопытствовал саврас.

– Нет, я пробуду еще здесь, но все-таки скоро уеду.

– В таком случае, может быть, еще увидимся.

Все распаркались. Надежда Ларионовна была до того смущена, что даже не подала им руки. Таковую овацию ей пришлось испытать еще в первый раз.

– Видите, видите, как вас здесь ценят, – заговорил Караулов, обращаясь к Надежде Ларионовне, когда они отошли в конец коридора. – И после этого вы еще хотите бросать наш театрик!

– Да вы это нарочно подстроили, чтобы удержать меня, – улыбнулась Надежда Ларионовна.

– Ну вот... Как я мог все это подстроить, если я и вижу-то всех их в первый раз. Статский-то бывает у нас.

– Статский-то прогорелый... Это купеческий сын Портянкин... – заметил Костя. – Задолжавши всюду страсть.

Мать уж публиковала, что не будет долгов за него платить. – Э, батенька! – подмигнул Караулов. – Иногда прогорелый-то лучше непрогорелого. Ему уж все равно... Ему один конец... А денежки иногда попадаются.

– Да конечно же... – улыбнулась Надежда Ларионовна. – Что толку от непрогорелого-то, который на каждом шагу жметя!

Она уже перестала смущаться и пришла в себя.

– Кабинет, кабинет скорей нам приготовьте, – отдавал приказание Караулов лакеям, когда они вошли в буфетную комнату. – Который кабинет свободен?

Лакеи засуетились. Публика, бывшая в буфете, узнав Надежду Ларионовну, обратила на нее взоры и принялась ее рассматривать.

– Люлина пришла, – говорили сидевшие за столиками и пившие пиво.

Какой-то бородач купеческой складки указал даже на Надежду Ларионовну пальцем, какой-то черномазый косматый человек, только что выпивший у буфета рюмку водки и прожевывавший бутерброд, посматривал на нее пристально посоловелыми пьяными глазами, сделал несколько шагов по направлению к ней, подбоченился и пробормотал:

– Мамзель... Хватите куплетцы...

Надежда Ларионовна взяла Караулова под руку.

– Сейчас в кабинет... – успокаивал ее тот и крикнул лакеям: – Который же кабинет свободен?

– В угловой пожалуйте, господин Караулов, – отвечали те и повели их.

Но тут Надежда Ларионовна заметила Шлимовича. Он стоял около вывешенной на завтрашнее представление афишки, читал ее и покуривал папиросу.

– Адольф Васильич, – тронула она его за рукав. – Вы здесь одни или с Лизаветой Николаевной?

– Ах, здравствуйте! Один, один... – откликнулся тот. – Константин Павлыч... Ну, что ваш старик? Жив?

– Жив, – отвечал Костя. – Ведь уж это сколько раз так с ним бывало.

– Отчего вы без Лизаветы Николаевны? – допытывалась Надежда Ларионовна.

– Дома осталась. Зубы разболелись.

– А я думала, что поссорились. Мы ужинать идем. Не хотите ли за компанию? Кстати, мне до вас дело есть. Кой-что спросить у вас надо. Пойдемте.

– Пожалуй, – согласился Шлимович и направился в кабинет.

Костя шел сзади. Он взглянул на часы. Был двенадцатый час в исходе. «Ну, что я скажу завтра старику, если он спросит меня, где я был? Ведь отпросился я у него в баню. А какая теперь баня? Да еще здесь неизвестно сколько времени засидишься, – мелькало у него в голове. – Конечно, Надя отпустит меня домой, ежели попросить ее хорошенько и рассказать ей о болезни старика, но нет, нет, нельзя этого сделать. А эти неизвестные? Черт их знает, к чему они познакомились с Надеждой Ларионовной? Они могут залезть в кабинет, присоединиться к компании, потом поехать провожать Надежду Ларионовну... Нет, нет, этого нельзя... Надо остаться здесь и провожать ее домой, а завтра при разговоре со стариком уж что бог даст», – решил он и вошел в кабинет.

– Ужин надо заказать на славу! Авось хоть этим задобрю я мою капризную премьершу, – говорил Караулов Надежде Ларионовне и, подозвав лакея, стал распорядиться насчет ужина.

Глава XXII

Антрепренер Караулов раскутился. Ужин был заказан действительно на славу. Он призвал даже повара и долго ему приказывал, как и что надо сделать. В буфете оказались плохи фрукты – и тотчас же был командирован лакей за фруктами в Милютины лавки. Не забыты были кофе и ликеры. Надежда Ларионовна захотела раков; в кухне хороших раков не оказалось – послали на садок за самыми крупными раками.

– Если рыбаки спят – буди их и во что бы то ни стало притащи раков! – кричал Караулов вслед посланному.

Костя сидел как на иголках и то и дело поглядывал на часы. Он был положительно меж двух огней: с одной стороны – Надежда Ларионовна, от которой он был не в силах оторваться на этот вечер, с другой стороны – больной дядя дома, у которого он отпросился только в баню. Любовь к женщине и угрызения совести, что вот он оставил дома больного старика, который, может быть, теперь ждет его, спрашивал его и сердится на него, боролись в нем – и любовь пересиливала. Он начал заглушать угрызения совести вином. Закуска перед ужином была уже подана, и Костя с жадностью накинулся на водку.

– Адольф Васильич! Василий Сергеич! По третьей... Без трех углов дом не строится, – говорил он, протягивая руку к бутылке.

– Не пейте много водки. Шампанское будем потом пить, – предостерегал его Караулов.

– Не могу. За процветание Надежды Ларионовны!

– Хотя водку при таких пожеланиях не пьют, но все-таки от подобного тоста отказаться не в силах... Не в силах... – заикался Караулов. – Надежда Ларионовна! У меня или где на другой сцене, но желаю, чтоб ваш талант крепнул, крепнул и разрастался в гиганта искусства, – обратился он к Люлиной.

Та ласково кивнула ему головой.

Водка развязала всем языки. Даже хмурый Шлимович начал отпускать комплименты Надежде Ларионовне и сказал:

– Сегодня вы надбавили себе цену на сорок – пятьдесят процентов. Жаль только, что не было газетных рецензентов, а потому ничего не будет сказано в газетах.

– Пригласим рецензентов, завтра же пригласим! – кричал Караулов.

– Да, но уж завтра не может быть этого шикарного инцидента с шубой.

– Расскажем им, запоим их и заставим написать и раззвонить во все колокола.

Караулов подсел к Надежде Ларионовне, жалобно склонил голову набок и заговорил:

– Божество мое, не покидайте меня. У меня в театре вы, так сказать, возникли, у меня расцвели, у меня и продолжайте цвести. Не ездите в Курск. Плюньте на Голенастова. – Ах, боже мой! Да должна же я, наконец, сделаться настоящей актрисой! – вскричала Надежда Ларионовна. – У него большой театр.

– Вы и у меня сделаетесь настоящей актрисой. Вы уже теперь настоящая актриса. Завтра закатим угощение рецензентам, и вознесут они вас выше небес.

– Но ведь Голенастов дает четыреста рублей в месяц.

– Голенастов – мошенник, он только сулит, а сам никому жалованья не платит. Он три раза прогорал, два раза от долгов бегал и всю труппу на бобах оставлял. Ну, я вам дам двести рублей и два бенефиса в зимний сезон.

Караулов махнул рукой.

– Ах, какие вы, право... – отвечала Надежда Ларионовна. – Мне деньги нужно, мне жить нечем, а жить хочется хорошо. Еще если бы обожатель был хороший да щедрый...

– Надюша! Все тебе будет, все, что только душенька твоя захочет, останься только, – начал Костя.

– Ах, подите вы! Слышали уже... На посуле-то вы, как на стуле, а как дойдет дело до настоящего – сейчас: погоди да погоди! – раздраженно проговорила Надежда Ларионовна.

– Ротонду просила – купил, лошадей просила – лошади завтра будут.

– Становитесь, Константин Павлыч, на колени и упрашивайте. Я сам стану.

Караулов опустил на колени и дернул за пиджак Костю. Тот тоже стал.

– Ах, какие вы шуты гороховые! – хохотала Надежда Ларионовна. – Вот шуты-то!

Она так и заливалась смехом.

– Надюша! Квартиру тебе всю заново обмоблирую. Просила бриллиантовую брошку – брошку куплю, – продолжал Костя. – Ведь ежели бы денег у меня не было, а то деньги у меня теперь есть, денег достаточно. Спроси Адольфа Васильича. Он мне даже сам предложил новую обмоблировку для тебя.

Шлимович смотрел на эту сцену, кривил рот в улыбку и по привычке почесывал указательным пальцем свой пробритый подбородок.

– Правда это, Адольф Васильич? – обратилась к нему Надежда Ларионовна.

Тот сделал гримасу и отвечал:

– Я достану обмоблировку, не знаю только, согласится ли Константин Павлыч на мои условия.

– На все, на все согласен! – вскричал Костя. – Когда же я на ваши условия не соглашался!

– Сколько вы Костюшке сегодня денег достали? – спросила Надежда Ларионовна.

Шлимович пожал плечами и кивнул на Караулова.

– Это коммерческая тайна... При посторонних не говорят, – отвечал он.

– Здесь нет посторонних и нет тайны.

– Если так, то, пожалуйста, скажу. Две тысячи. Он просил две тысячи, две тысячи я ему и достал.

– Товаром? – допытывалась Надежда Ларионовна.

– Ах, боже мой, какие вы любопытные! Деньги у Константина Павлыча уже теперь есть, будут завтра и еще.

– Завтра, завтра ты уже можешь обновить и твою новую ротонду, и твою новую бриллиантовую брошку! На паре рысаков обновишь! – вскричал Костя.

– Посмотрим, – улыбнулась Надежда Ларионовна.

– Фея! Неземная фея! Так можно получить от вас слово, что вы остаетесь у меня? – спрашивал Караулов, ударяя себя в грудь кулаком. – Двести рублей в месяц, два бенефиса...

– Погодите, дайте подумать.

– Еще думать! Да воззрите вы на своих рабов-то, приниженных, коленопреклоненных, пред вами стоящих и ожидающих от вас милости!

– Встаньте, встаньте, господа. Нехорошо. Могут лакеи войти. Сейчас ужин подавать начнут.

– Не встанем, пока не услышим милостивого решения. Не вставайте, Константин Павлыч.

Костя потянулся к руке Надежды Ларионовны. Та ударила его ладонью по лбу. Шлимович засмеялся.

– Все стерплю, согласись только, – просил Костя.

– Надежда Ларионовна, согласитесь, – повторял Караулов. – Адольф Васильич, просите и вы.

– Вставайте. Я после ужина скажу вам ответ, – пробормотала Надежда Ларионовна.

Костя и Караулов поднялись с колен.

– Тяжелая вы, барынька, тяжелая, – говорил Караулов.

– Врете вы. Во мне и трех пудов нет, – отшучивалась Надежда Ларионовна.

Подали ужин. Когда было выпито еще по две-три рюмки, Шлимович тронул Надежду Ларионовну за руку и сказал:

– Мой совет вам, мадемуазель Люлина, – оставаться. Всякая птичка делает себе гнездо. Что хорошего, если сегодня здесь, завтра там?..

– Bravo, bravo, Адольф Васильич! – раздался голос Кости.

– Слышите, как умные-то люди рассуждают! – кивнул Караулов на Шлимовича.

– Как хотите, – продолжал тот, – а лучше Петербурга города не найти. В Петербург-то из провинции люди как стремятся, а вы хотите ехать в провинцию.

– Верно, верно, Адольф Васильич.

В двери кабинета раздался стук. Кто-то спрашивал басом:

– Можно войти?

Караулов вскочил с места и отворил дверь. На пороге стоял толстый интендантский чиновник и говорил:

– Простите, господа, но не могу удержаться, дабы еще раз не преклонить головы перед звездой первой величины и не отдать должную дань искусству. Можно войти?

– Милости просим, – отвечал Караулов.

– Еще раз простите, господа. Может быть, это и дерзость так врываться, но не утерпел. Мадемуазель Люлина! Вы прощаете? – обратился он к Надежде Ларионовне.

– Очень рада. Прошу покорно, – отвечала та.

– Я, господа, с приношением. С пустыми руками входить в храм феи считаю неприличным, – продолжал интендантский чиновник и, обратясь к стоящему сзади него лакею, сказал: – Вноси!

Лакей внес поднос с тремя бутылками шампанского.

– С какой же это стати? Зачем? Мы и сами в состоянии... – заговорил было Костя, но Караулов дернул его за рукав.

– Откупоривай! – махнул лакею интендантский чиновник.

Хлопнула пробка.

– Полковник! – воскликнул Караулов. – Вы совсем кстати. Присоедините свою просьбу к нашим просьбам и умолите фею, чтобы она нас не покидала. Мадемуазель Люлина хочет ехать в провинцию.

– В провинцию? Что за вздор! Только что мы открыли на горизонте звезду первой величины, и эта звезда хочет исчезать? Не пустим, не пустим. Ляжем на рельсы железной дороги и загородим путь. Господа! За здоровье звезды первой величины!

– Ура! – заорал Караулов.

– Нет, нет, мы вас не выпустим, куда не отпразднуем вашего бенефиса, – продолжал интендантский чиновник, чокаясь с Надеждой Ларионовной. – В бенефис ваш мы должны вас оценить по достоинству, воздать должное должному и тогда с Богом... Как ехать, когда я уже подписку на подарок начал!.. Не пустим, не пустим...

– Я остаюсь, – прошептала Надежда Ларионовна.

Караулов и Костя бросились целовать у ней руки.

Пир длился долго. «Увеселительный зал» был уже заперт для публики, а в кабинете все еще пировали. Когда расходились по домам, Надежда Ларионовна шепнула Косте:

– Вы паинька сегодня. Сегодня я вам позволю проводить меня домой.

Костя был на вершине блаженства.

Глава XXIII

Только утром, часу в шестом, явился Костя домой. Хмель еще не вышел у него из головы. В голове у него шумело, в глазах мелькали какие-то огненные языки. Подъезжая к дому на извозчике, он взглянул в окна своей квартиры. Все окна были освещены. Костя вздрогнул. Как электрическая искра пробежала у него по всему телу.

«Господи! Уж не умер ли старик?» – мелькнуло у него в голове.

Он быстро выскочил из саней, сунул извозчику деньги и, спотыкаясь, ринулся в калитку ворот. В калитке стоял караульный дворник в тулупе.

– С дяденькой Евграфом Митричем очень худо, Константин Павлыч, – отрапортовал он. – Час назад еще причащали и исповедовали. Сейчас только священник ушел.

– Жив еще? – торопливо спросил Костя.

– Живы-то живы, но уж, кажется, совсем... кончаются.

Костя поспешно побежал по черной лестнице. Тронув дверь квартиры, он увидел, что она не заперта, и вскочил в кухню. В кухне кухарка ставила самовар. На столе в большой бадье лежал нарубленный кусками лед. Около бадьи стояла дочь Настасьи Ильинишны Таиса и накладывала мелкие куски льда в гуттаперчевый пузырь. Кухарка и Таиса молча укоризненно посмотрели на Костю. Тот, стараясь избежать их взглядов и тоже молча, проскользнул в комнаты.

Здесь он увидел, что весь дом был на ногах. Приказчики бродили на цыпочках и шушукались. Костя даже совестился взглянуть им в глаза. Он пробрался к себе в комнату, дабы снять с себя шубу. Там его встретил старший приказчик, живший с ним в одной комнате.

– Попарились в баньке-то? – язвительно спросил он Костю.

– Не твое дело, – огрызнулся Костя.

– Это точно, что не мое. А только подите-ка, полюбуйтесь, что вы сделали с дяденькой-то! Кончаются. А всему вы причиной... Где бы старика ублажать и успокаивать, вы вон до шестого часа утра в банях паритесь.

– Оставьте, вам говорят! Ну что пристали! Не сидеть же мне над ним и день и ночь сиднем. Ведь я не сиделка. Я человек молодой, человек живой... Живой о живом и думает.

Не умирать же мне вместе с ним.

– Да уж все из баньки-то нужно бы было пораньше вернуться, коли дома такой трудный больной. Ведь уж к шестому-то часу утра, поди, кожу до дыр мочалкой протереть успели, а это можно бы было сделать и в другой раз.

Костя направился в другие комнаты. Старший приказчик дернул его за рукав.

– Не показывайтесь уж дяденьке-то на глаза, не раздражайте его перед смертью, дайте ему умереть спокойно, – сказал он.

Костя покорился и отвечал уже не огрызаясь:

– Я не войду к нему, не войду... Я только из гостиной в щелочку взгляну.

Проходя через приказчицкую комнату, он остановился перед двумя приказчиками помоложе и в оправдание себя сказал:

– Ведь эдакая оказия! Ни на час никуда не можешь отлучиться, чтобы чего-нибудь не произошло. Спрашивал меня дядя?

– Да как же не спрашивать-то? Часов с одиннадцати начали спрашивать, весь вечер спрашивали, раз десять спрашивали. Ну, с этого-то с ними и случилось... – отвечали ему.

– Очень плох старик?

– Давеча совсем кончались, а теперь не знаем, как... Там у них доктор сидит. Ведь уже причащали и исповедовали.

– Знаю... Слышал...

Костя покрутил головой, досадливо почесал затылок, вернулся в кухню и выпил целый ковш холодной воды. Направляясь из кухни в гостиную, он в коридоре встретился с Настасьей Ильинишной. Глаза ее были заплаканы.

– Явилось явленное чудо! Слава тебе господи! – сказала она. – Ах вы, изверг, изверг! Полюбуйтесь, что с дяденькой-то сделали.

– Довольно. Не ваше дело, – попробовал огрызнуться Костя. – Не могу же я...

Он не договорил. Слезы подступили ему к горлу. Он отвернулся.

«Боже мой! Боже мой! Что я за несчастный человек! И здесь около старика надо быть, да и там-то около Нади надо караулить», – мелькнуло у него в голове.

– Не показывайтесь уж ему хоть теперь-то на глаза, не раздражайте его, благо он об вас забыл и сам забылся, – прибавила Настасья Ильинишна.

– Я не войду... Я только из гостиной в двери загляну... – дал ответ Костя.

На цыпочках прошел он в гостиную. Старые половицы скрипели под его ногами. Там в гостиной стояла старуха-богаделенка Ферাপонтовна, проживающая в доме, и, сложа руки на груди, переминалась с ноги на ногу. Завидя Костю, она укоризненно покачала ему головой. Костя подкрался к дверям, ведущим в спальню старика-дяди, и украдкой заглянул туда. Дядя полусидел-полулежал в кресле. Опухшие его ноги были протянуты на скамейку. Глаза были полужакрыты.

Слышно было тяжелое дыхание, прерываемое хрипом. Около старика суетился молодой доктор в военном мундире нараспашку. Из комнаты пахло лекарствами и спиртами. Костя посмотрел, вздохнул и, сознавая свою вину, с опущенной головой прошел к себе в комнату, где, усталый, и опустился на диван, закурив папироску. Старший приказчик, одетый в халат, лежал на кровати и дремал. Он открыл глаза и сказал:

– Всю ночь ведь на ногах и глаз не смыкали. Часу до двенадцатого все было хорошо. Таиса Ивановна псалтырь им читали. Начали мы ложиться спать и только прикурнули – вдруг Настасья Ильинишна бежит: «Умирает, – говорит, – умирает! Бегите за священником и за доктором». На вас рассердились, что долго вас из бани нет, – ну, им и подкатило. – Да уж слышали, – махнул рукой Костя.

– А уж теперь не в укор, Константин Павлыч, а надо же рассказать. Конечно же, вы человек молодой и погулять вам хочется, но надо куда как-нибудь сократиться и подождать их раздражать.

– Что доктор-то говорит?

– А говорит, что ежели теперь и отдышатся, то дня на два, на три – а больше их не хватит. Удушья эти должны повториться. Как только раздражение на кого-нибудь с их стороны – сейчас удушье. «На удушье, – говорит, – они и покончат». Велели охранять, не раздражать. Да ведь мы и так, кажется, уж охраняем и не только ничего не перечим, но даже и не говорим. Настасья тоже только одни успокоительные слова...

Костя молчал и думал: «Ну как тут быть? Как тут старика успокоишь, коли мне и сегодня вечером опять нужно во что бы то ни стало урваться из дома и быть около Надежды Ларионовны?»

– Вы уж сегодня в лавку-то не ходите. Побудьте дома.

Придет старик в себя и про вас спросит, так уж чтобы быть вам на месте... – продолжал старший приказчик сквозь дремоту и всхрапывая.

Костя ничего не ответил, а в голове его мелькало: «Как мне сегодня остаться дома, если днем нужно у жида эти проклятые контрабасы и скрипки закладывать! В двенадцать часов дня надо у Шлимовича быть. Поедем вместе закладывать. Он меня будет ждать. Потом нужно к извозчику, чтоб насчет лошадей помесячных для Надежды Ларионовны уговориться. Потом насчет мебели... Шлимович хотел мебелировку новую для Нади сосватать... Как тут дома останешься! Ну, еще вечером туда-сюда... Вечером я кой-как посижу дома, а днем нельзя...

Откладывать ничего нельзя, а то Надежда Ларионовна заключит условие с Голенастовым и уедет в Курск. Только потому и согласилась остаться, чтобы лошади и брошка бриллиантовая были сегодня... Ах да... заложивши контрабасы, надо еще брошку купить. Шлимович тоже обещал рекомендовать бриллианщика. Нельзя, нельзя... Насчет мебелировки тоже велела, чтоб немедля мебелировать квартиру начали. Не могу я дома остаться, ни за что не могу. Помилуйте, что же это такое! Ведь это значит потерять Надюшу, а она для меня дороже жизни».

– Послушайте... Оставайтесь лучше вы дома, а я в лавку пойду... – обратился Костя к старшему приказчику.

Тот не слышал. Он уже всхрапывал.

Костя умолк. Перед глазами его носилась усатая фигура толстого интендантского чиновника, мелькало рябоватое лицо Караулова, черноватая мрачная физиономия Шлимовича вылезала откуда-то, но вдруг все это сменилось розовым светом, и показалась полненькая улыбающаяся Надежда Ларионовна с красивыми бедрами в трико.

Костя тоже спал.

Глава XXIV

Костя почувствовал, что его кто-то сильно тряс за руку. – Сейчас, сейчас... Только вот расплачусь... – пробормотал он спросонья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.